ORCID: 0000-0002-7671-9500

В. М. Рыбаков[*]

РЕЖИМ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ОБЪЕКТОВ В ТАНСКОМ КИТАЕ

Аннотация: обеспечение безопасности первых лиц государства является приоритетной задачей для любой государственной машины. Танское уголовное право уделяло пристальное внимание обеспечению такой безопасности. Законы, регулировавшие службу охраны императорских резиденций и августейших персон, были разработаны с учётом всех возможных вариантов развития событий. Само перечисление возможных нарушений говорит многое об организации жизни в императорских резиденциях, о шедших там трудовых процессах и о работе администрации. Различия же в строгости наказания этих нарушений позволяют наглядно увидеть иерархию приоритетов, определявших работу систем безопасности.

Ключевые слова: традиционный Китай, государство и право, чиновничество, административное право, уголовное право, безопасность первых лиц государства

Viyacheslav M. Rybakov[**]

THE REGIME OF SPECIALLY PROTECTED OBJECTS IN TANG CHINA

Abstract: ensuring the security of the state leaders is a priority for any state machine. Tang criminal law paid close attention to ensuring such security. The laws regulating the security service of the imperial residences and the august persons took into account all possible scenarios. The enumeration of possible law

---

[*] ***Рыбаков Вячеслав Михайлович***, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), ouyangtsev@mail.ru

[**] ***Rybakov Viyacheslav Mikhailovich***, Dr. Hab. (History), Chief Research Associate, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts RAS (St. Petersburg), ouyangtsev@mail.ru

© Рыбаков В. М., 2022; © ФГБУН ИВ РАН, 2022

violations says a lot about the organization of day-to-day life in the imperial residences, the labor processes that took place there, and the work of the administration. The differences in the severity of the punishment of these violations allows to clearly see the hierarchy of priorities that determined the work of security systems.

Keywords: Traditional China, state and law, bureaucracy, administrative law, criminal law, ruler's security

Сакральные объекты

Уголовное право, оформившееся в Китае в период Тан (618–907 гг.), уделяло весьма пристальное внимание поддержанию особого режима столицы, а также культовых строений и в первую очередь – комплексов правительственных зданий и императорских дворцов, так называемых Императорского[1] и Дворцового городов[2]. Наиболее социально опасными нарушениями режима закон вполне здраво полагал действия, связанные с незаконным, то есть несанкционированным, проникновением на охраняемые территории.

Под влиянием высокой этики и социальной теории первыми в перечне запретных объектов уголовный кодекс «Тан люй шу и» 唐律疏議 («Уголовные установления Тан с разъяснениями») (653 г.) называет территории императорских храмов предков и императорских усыпальниц.

Число храмов не сводилось к одному-единственному, некоему главному. Например, в «Тан хуй яо» (唐會要 «Свод важнейших [сведений периода] Тан») мы читаем:

> В 6-й день 6-й луны начального года У-дэ (618–626 гг.) учредили четыре храма предков внутри чанъаньского [квартала] Тунъи (…) В 9-м году Чжэнь-гуань (627–649 гг.) повелели соответствующим властям досконально обсудить положение в системе (*чжиду* 制度) храмов предков, в результате чего были реконструированы семь храмов [Тан хуй яо 1936–1939, с. 293][3].

---

[1] Здесь и далее авторская орфография сохранена. – *Ред.*

[2] О конфигурации и структуре столичного города Чанъань, а также его правительственных кварталов и императорских резиденций см. [Рыбаков 2018б].

[3] Городской квартал Тунъи располагался почти в центре столицы, от южной стены Императорского города его отделял лишь один квартал – Тайпин 太平.

Местами захоронений августейших особ ведали специальные администрации, являвшиеся подразделениями Приказа по делам императорского рода (*цзунчжэнсы* 宗正寺)[4]. В «Тан лю дянь», например, говорится:

> В месяцы [весеннего и осеннего] равноденствий (*эр фэнь чжи юэ* 二分之月) Три верховника (*сань гун* 三公) объезжают [императорские] гробницы[Тан лю дянь].

Для обслуживания усыпальниц выделялись специальные группы местного населения из жителей того уезда, в котором находилась данная гробница. Понятно, что все эти люди, отнюдь не служащие государственной администрации, не чиновники, не регулярный штат, для осуществления своих прямых обязанностей должны были входить на территорию вверенной им гробницы и по выполнении работы покидать её, а стало быть – иметь на это соответствующие полномочия и документально подтверждённые возможности.

Наиболее вероятным и наименее криминальным был не требовавший никаких специальных ухищрений или навыков заход на запретные территории обычным путём, а именно – вход через ворота без надлежащих документов. Как реально это могло случиться, «Тан люй шу и» не разбирает. Говорится лишь следующее:

> Всякий, кто самовольно вошёл в ворота императорского храма предков, а также в ворота территории императорских усыпальниц, наказывается двумя годами каторги. (…) Самовольно – имеется в виду, что ему не полагалось входить, но [он] вошёл (*бу ин жу эр жу* 不應入而入) [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 58; Уголовные установления Тан 1999, с. 292].

Затем уточняется, что, во-первых, у всех подобных объектов на постоянной основе выставлялись сменные посты гвардейской охраны, а во-вторых, что все те, кому полагалось входить на указанные территории, а затем выходить наружу, были указаны в поимённых списках (*минцзи* 名籍).

Более строгое наказание предусматривалось за незаконный вход во внутренние помещения какого-либо из императорских хра-

[4] Подробнее об этих учреждениях см. [Рыбаков 2009, с. 313].

мов предков. Утончённое правовое чувство танских законодателей, видимо, помешало им простыми словами предписать за этот вид нарушения точно названное наказание. Не стали они и достаточно тривиальным образом пытаться предписать увеличение наказания на определённое число степеней по сравнению с наказанием за незаконный вход на территорию без захода внутрь помещений[5]. Вместо этого они словно бы решили в очередной раз потренировать сообразительность рядовых судей. В «Тан люй шу и» говорится:

> Если [кто-либо] вошёл в помещения императорского храма предков (*таймяо ши* 太廟室), то, поскольку в [данной] статье [за это] не предусмотрено определённого наказания, согласно [установленной] нижеследующим текстом норме об уменьшении на одну степень наказаний [за преступления, совер-

[5] Скажем, за незаконный вход в ворота – два года каторги, за незаконный вход во внутренние помещения – на две или три степени тяжелее. В целом для танского права такой метод ситуационной корректировки был обычной практикой. Не лишним будет здесь вспомнить, как выглядела шкала основных наказаний при Тан. Она состояла из пяти видов: битье лёгкими палками, битье тяжёлыми палками, каторга, ссылка и смертная казнь. Виды, в свою очередь, подразделялись на разновидности: во-первых, 10, 20, 30, 40 и 50 ударов лёгкими палками; во-вторых, 60, 70, 80, 90 и 100 ударов тяжёлыми палками; в-третьих, 1, 1,5, 2, 2,5 и 3 года каторжных работ; в-четвёртых, ссылка на 2 тыс., на 2,5 тыс. и на 3 тыс. *ли* (*ли* – 559.8 м). Каждая из ссылок в качестве начального наказания включала один год каторжных работ по месту ссылки, по истечении которого ссыльный переводился на поселение. И в-пятых, существовали два вида смертной казни: удавление и обезглавливание, причём обезглавливание считалось более тяжким наказанием, чем удавление, поскольку это была калечащая казнь, при её осуществлении наносился принципиальный ущерб телу казнённого. Особняком располагалась ссылка с дополнительными работами, иррегулярное наказание, занимавшее промежуточное положение между ссылкой на 3 тыс. *ли* и смертной казнью. Дальность её тоже равнялась 3 тыс. *ли*, но по месту ссылки в качестве начального этапа отбытия наказания ссыльному полагалось отработать не один год, а три. Эта ссылка, так же, как и обе разновидности смертной казни, могли фигурировать в приговоре лишь если совершилось преступление, за какое соответствующая статья танского уголовного закона – кодекса «Тан люй шу и» – прямо предписывала именно данное наказание. Автоматическое увеличение или уменьшение наказания по степеням «проскакивало» данный вид ссылки: уменьшение на одну степень любого из двух наказаний смертью давало ссылку на 3 тыс. *ли*. Уменьшение же любой из трёх ординарных ссылок на одну степень давало три года каторги. А вот при увеличении каждая из разновидностей ссылки являлась отдельной степенью; ссылка на 2 тыс. *ли*, увеличенная на две степени, давала ссылку на 3 тыс. *ли*. Автоматическое увеличение по степеням не могло дорасти ни до ссылки с дополнительными работами, ни до смертной казни. В исключительных, всякий раз отдельно оговариваемых ситуациях возрастание по степеням могло, перевалив за ссылку на 3 тыс. *ли*, достигнуть удавления, но никогда – обезглавливания.

> шённые в отношении] храма, по сравнению с [совершёнными в отношении] Дворцового комплекса, наказание [преступнику] уменьшается на одну степень относительно [полагающегося тому, кто достиг] места, где пребывает державная [особа, и становится равным] ссылке на 3 тыс. *ли* [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 58; Уголовные установления Тан 1999, с. 292].

То есть, говоря проще, если за какое-либо нарушение режима храмов и усыпальниц законом не было предусмотрено определённого наказания, но за аналогичное нарушение режима Дворцового комплекса наказание предусмотрено было, вычислять наказание за данное нарушение режима храма надлежало, уменьшая на одну степень наказание, предусмотренное за соответствующее нарушение режима Дворцового комплекса.

Объяснение тому факту, что здесь отсчёт следовало вести от наказания за приближение к месту реального пребывания императорской персоны, выглядит довольно казуистично для нашего материалистического времени, но, надо полагать, для жителей танской империи оно лежало на поверхности. Дело в том, что за незаконное приближение к месту, где пребывает державная особа (император или кто-либо из трёх императриц, т. е. бабка императора по мужской линии, мать императора или жена императора), понятным образом полагалась смертная казнь. В храмах же находились таблички с именами покойных владык, то есть, если можно так выразиться, олицетворения усопших августейших особ, их посюсторонние физические носители. Именно поэтому законодатели предпочли для определения наказания вести отсчёт не от незаконного прохода в ворота храма, но от незаконного нарушения личного пространства живой августейшей персоны. Фактически возникновение ситуации, когда вероятным становилось некое посягательство на табличку с именем усопшего императора, оценивалось на одну степень менее криминальным, нежели возникновение той же ситуации в отношении императора ныне здравствующего и царствующего. Уменьшение смертной казни на одну степень как раз и давало наказание ссылкой на 3 тыс. *ли*.

Равным образом следовало наказывать и за несанкционированный, то есть не обусловленный служебными надобностями,

«беспричинный» (*у гу* 無故) подъём на гробницу. Непосредственного контакта между нарушителем и останками в данном случае, конечно, не возникало, но то, что нарушитель фактически попирал ногами усопшего владыку было в высшей степени крамольно и абсолютно недопустимо.

Нарушитель мог попытаться проникнуть на сакральные территории и менее безобидным способом. Ведь попытка незаконного входа в ворота, во-первых, могла быть достаточно легко пресечена охраной, что по определению делало такую попытку не слишком-то чреватой нежелательными последствиями. Во-вторых, она не требовала каких-то особых усилий, применения ловкости, силы, а то и специальных навыков, в совершенно не конструктивных и даже прямо антиобщественных целях. Нарушитель вёл себя как обычный подданный, просто нарушал формальный режим.

Но можно было ведь попытаться так или иначе обойти ворота и контролирующую их охрану. Такой поступок демонстрировал куда большую неадекватность и заставлял подозревать куда более злостные тайные мотивы.

«Тан люй шу и» пытался дать максимально точное и в то же время обобщённое определение проникновения, нарушения худшего (и оттого – строже наказуемого), нежели попытка пройти в ворота без документов.

> Проникший за стену (*юэюань чжэ* 越垣者) наказывается тремя годами каторги. (…) Проникшим является [тот, кто попал внутрь] не через ворота (*бу цунмэнь вэй юэ* 不從門為越) [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 58; Уголовные установления Тан 1999, с. 293].

Буквально *юэ* значит «переходить», «переступать», «проходить насквозь», «преодолевать», «превышать» [Большой китайско-русский словарь 1983–1984, т. 3, с. 929]. Конечно, наиболее вероятным способом преодоления стены является перелезание. Но *юэ* имеет гораздо более общий смысл, и в случае необходимости под этот термин можно подверстать, например, и подкоп, и щель в заборе. Важно то, что проникновение на охраняемую территорию было осуществлено не через ворота, вне поля зрения стражи.

Этот явно более криминальный способ попадания на запретную территорию следовало карать на две степени тяжелее, чем попадание на ту же территорию, осуществлённое просто проходом в ворота без документов. Вместо двух лет каторги – уже три года.

Понятно, что тот, кто перелез через стену или ухитрился миновать её как-то иначе, а затем проник во внутренние помещения храма или поднялся на усыпальницу, подлежал всё равно наказанию ссылкой на 3 тыс. *ли*. Способ проникновения тут роли уже не играл – заход внутрь или подъём перекрывал всё, и поэтому наказание, за него предусмотренное, поглощало любые менее строгие.

Все перечисленные объекты охранялись, а раз охрана стоит у ворот и, безусловно, присматривает за всей закрытой территорией, то запрет на проникновение не мог и не должен был быть голословным. На то и охрана, чтобы люди не ходили куда ни попадя без документов.

Ответственность за непредотвращённое незаконное вторжение несли все уровни стражи.

Соответственно тяжести исходного преступления, то есть в зависимости от того, на какой объект и каким образом проник сам преступник, рядовые стражники, нёсшие дежурство в момент совершения противоправного действия и не задержавшие преступника, должны были быть наказаны на две степени легче него. «Тан люй шу и» оговаривает, что речь идёт лишь о тех, кто находился на дежурстве именно во время нарушения режима; об их отдыхающих сменщиках речи нет. Но с другой стороны, поскольку в тексте статьи нет и намёка на стандартные формулировки типа «[тот,] из-за чего/кого [произошло]» (*сою* 所由), конкретно виноватого в разгильдяйстве гвардейца, по всей видимости, даже не пытались выискивать среди всей дежурной смены. Это заставляет думать, что в равной степени виноваты оказывались все. Судя по всему, и изменений в строгости наказания в зависимости от времени суток, когда было совершено нарушение режима (при ярком свете дня или под покровом сумерек), не предусматривалось. Строгость наказания халатных дежурных гвардейцев за недостаток бдительности полностью и однозначно зависела лишь от того, что именно совершил преступник. Значит, им полагалось:

- если кто незаконно вошёл в ворота храма предков или усыпальницы – один год каторги;
- если кто проник через стену храма или усыпальницы – два года каторги;
- если кто вошёл незаконно в помещения храма предков или поднялся на усыпальницу – 2,5 года каторги.

У дежурной смены гвардейцев, разумеется, были ответственные за несение ими службы старшие – начальники караула, дежурные командиры. Начальству тоже полагались наказания за халатность их рядовых. «Тан люй шу и» уточняет:

> Командир (*чжушуай* 主帅) – имеется в виду [кто-либо из тех, кто] возглавляет солдат гвардии (…) у императорских храмов предков, у императорских усыпальниц и у храма Земли… Безразлично, насколько высока его должность [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 58; Уголовные установления Тан 1999, с. 293].

То есть по данной статье равные наказания полагались и, скажем, мелкому офицеру (*сяовэй* 校尉), и командующему гвардией, так называемому генералу (*цзянцзюнь* 將軍), если только ему не повезло возглавлять охрану объекта в момент преступления. Ответственный за данную смену командир должен был быть наказан на одну степень легче, чем его проштрафившиеся подчинённые.

А вот если кто-либо из стражников, рядовой или командир – всё равно, проявил не просто преступную халатность, но злой умысел, то есть по предварительной ли договорённости с преступником или просто заметив его действия, но не воспрепятствовав им, наказание любому из таких злодеев должно было быть скопировано с наказания, полагавшегося самому преступнику. «Тан люй шу и» определяет:

> Преднамеренно попустительствовавший [преступнику] (*гу цзун* 故縱) – имеется в виду тот, кто знал, что [некто] не должен входить, но разрешил [ему] войти, или кто знал, что [некто] проник за стену, но [ему] не воспрепятствовал. (…) [Виновный] получает то же самое наказание (*юй тун цзуй* 與同罪), что и нарушитель закона [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 58; Уголовные установления Тан 1999, с. 294].

Правда, эта формулировка подразумевала для ранговых чиновников довольно существенные послабления, то есть перенос наказания с нарушителя на попустителя не был полным. Относительно *юй тун цзуй* в «Тан люй шу и» разъясняется:

> «[То, что было совершено,] не приравнивается к фактическому совершению [данного преступления]. Поэтому при наказаниях смертью [ответственность] ограничивается удавлением. (…) [Совершённые преступления] никогда не подпадают под [действие] норм о разжаловании, лишении должностей или лишении занимаемой должности[6], а также [возмещении] двойной стоимости присвоения и не подпадают под [действие] норм об увеличении наказания полномочным или заведующим чиновникам, а также [норм] ссылки с дополнительными работами» [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 53; Уголовные установления Тан 1999, с. 274-276].

Самое существенное здесь то, что наказанный «тем же наказанием» государственный служащий не подлежал должностным наказаниям триады *чумянь* 除免 и мог по вынесении приговора в рамках основной шкалы пользоваться, например, своей должностью для зачёта этого наказания или хотя бы его части (*гуаньдан* 官當)[7]. Но, конечно, дело всё равно грозило оказаться, как мы бы сейчас сказали, резонансным. А кроме того, у рядовых гвардейцев не было никаких рангов, и получалось, они за попустительство действительно могли получить ту же самую кару, что полагалась и самому преступнику.

Ровно эти же меры надлежало применять к нерадивой страже в случаях аналогичных нарушений режима всех иных столичных и провинциальных охраняемых объектов.

> [При совершении преступлений, рассматриваемых] в остальных статьях, [относительно] гвардейской охраны Дворцового комплекса, [территорий] дворцов, а также всех запретных мест, где имеется привратная стража или гвардейская охрана, [если кто-либо] преднамеренно попустительствовал

[6] Подробнее о должностных наказаниях см.: [Рыбаков 2013, с. 234–274].

[7] Подробнее о зачёте должностью см. [там же, с. 209, 230].

> [преступнику] или не заметил [его], соответственно каждому данному случаю [действуют] сообразно с настоящим [предписанием] [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 58; Уголовные установления Тан 1999, с. 294].

Наказаний за какие-то иные нежелательные действия в отношении сакральных объектов «Тан люй шу и» не предписывает. Его создатели ограничились следующим предписанием:

> Всякий раз, когда в соответствующей преступлению статье не предусмотрено определённое наказание за преступление, совершённое [в отношении] императорского храма предков, алтаря Земли или Запретного парка, [в ситуациях с] императорским храмом предков наказания уменьшаются на одну степень относительно [полагающихся в ситуациях с] Дворцовым комплексом, [в ситуациях с] алтарём Земли наказания уменьшаются на одну степень относительно [полагающихся в ситуациях с] императорским храмом предков, а [в ситуациях с] Запретным парком наказания приравниваются к [полагающимся в ситуациях с] алтарём Земли [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 79; Уголовные установления Тан 1999, с. 330].

Правонарушения же, совершённые в отношении режима Дворцового комплекса и его дворцов, были проработаны в законах весьма тщательно. Тут и достижение ворот без пересечения их границы, тут и самовольная ночёвка, и многие иные действия, за которые полагались те или иные кары. Если аналогичные преступления совершались в отношении какого-либо из перечисленных сакральных объектов, для определения наказания следовало просто сначала определить наказание за данное преступление, как если бы его объектом являлся Дворцовый комплекс, а затем означенным образом уменьшить это наказание.

Дворцовый комплекс

Незаконный вход

За самовольный, то есть не обоснованный документами, вход в ворота Дворцового города (*гунчэнмэнь* 宮城門) или Дворцового комплекса (*гунмэнь* 宮門) полагалось два года каторги, в точности

как за самовольный вход на территорию императорского храма предков или императорской усыпальницы.

Несанкционированный вход на территорию какого-либо из дворцов, расположенных на территории дворцового комплекса, через дворцовые ворота (*дяньмэнь* 殿門) подлежал наказанию уже 2,5 годами каторги.

За самовольный вход в ворота Дворцового города или Дворцового комплекса с оружием следовало наказывать тремя годами каторги, а если речь шла о воротах территорий дворцов – ссылкой на 2 тыс. *ли*.

Отдельная мера предусматривалась для самовольного входа в такие помещения, как палаты Шангэ 上閣, или Высокие палаты, то есть боковые крылья дворца главного дворца Тайцзидянь 太極殿. Дело в том, что из палат, через их боковые входы, открывался прямой ход в так называемый внутренний двор, то есть от церемониальных и административных дворцов к жилым. Тут было рукой подать до царствующих особ. Но дело ещё и в том, что, как отмечается в «Тан люй шу и», для ворот Шангэ уже не составлялись привратные списки. Другими словами, тут не было регулярных визитёров и потому не было обычного контроля.

> Тех, кому положено войти, согласно Высочайшим распоряжениям вводят [сопровождающие] (*ин жу чжэ чжунь чи иньжу* 應入者準敕引入) [Тан люй шу и 1936-1939, ст. 59; Уголовные установления Тан 1999, с. 296].

Если кто-либо входил в палаты Шангэ без вызова и без сопровождения, он подлежал удавлению.

Высшая мера наказания – обезглавливание – предусматривалась за два типа связанных с незаконным входом во дворец преступлений: самовольный вход в палаты Шангэ или в какие-либо из ведущих во внутренний дворцовый комплекс ворот с оружием при отсутствии караульных и появление незваного посетителя, с оружием или без, не просто в помещениях, где вероятным было пребывание августейших персон, но в реальной непосредственной близости от них, в каком бы из дворцовых помещений они в данный момент ни находились.

Во всех этих случаях проникновение за стену, то есть уже явно злоумышленное поведение: перелезание, пользование какими-то приспособлениями или, скажем, обнаружение щели либо совершение подкопа – наказывалось по понятным причинам куда строже, чем самовольный вход в ворота. Это мы видели на примере сакральных объектов, это же было куда более актуально и в отношении светских святынь.

За самовольный вход в ворота Дворцового комплекса или Дворцового города полагалось два года каторги. Проникновение за стену Дворцового комплекса или Дворцового города каралось ссылкой на 3 тыс. *ли*.

Самовольный вход на территорию какого-либо дворца, как мы видели, следовало наказывать 2,5 годами каторги. Проникновение же за стену территории того же дворца каралось удавлением.

Нелишне напомнить, что согласно предписанию предыдущей статьи «Тан люй шу и», посвящённой незаконным проникновениям к сакральным объектам, не только связанные с ними, но и все иные акты попустительства стражи преступникам, нарушающим режим безопасности, равно как и акты простой халатности и недостатка бдительности, следовало наказывать так же, как и в связи с храмами предков и гробницами. То есть в случаях сознательного попустительства – «тем же самым наказанием», что и самого преступника, а в случаях необнаружения – рядовых стражников карали на две степени легче преступника, их командиров – на одну степень легче самих стражников.

Отдельной статьёй устанавливались наказания для дворцового персонала, у различных групп которого были внутри режимной территории свои зоны нулевой запретности; однако переходить границы этих зон или даже создавать некие чисто теоретические предпосылки для самовольного перехода в зоны более высокой запретности им тоже не дозволялось.

Для начала закон вводит понятие неполного, не доведённого до конца проникновения. Самовольный вход, гласит определение, следует считать состоявшимся только если был пересечён порог ворот (*юй юй* 踰閾).

Таким образом, наказание за незаконный вход могло быть применено только к тем лицам, что реально вошли на территорию за воротами, пересекли границу зон пространства. Однако в ситуациях с наиболее охраняемыми территориями чтобы оказаться преступником, реально войти было не обязательно. Достаточно было вплотную подойти к порогу, оказаться на самой линии разграничения, и не более.

Того, кто вплотную подошёл к порогу каких-либо ворот Дворцового комплекса, но не пересёк порога, следовало уже за сам факт столь демонстративного посягательства на границу зон и создание явных предпосылок для её пересечения наказывать 80 ударами тяжёлыми палками.

За аналогичные преступления в отношении ворот территорий дворцов, ворот Шангэ, а также ворот ещё более внутренних следовало определять наказание с последовательным увеличением на одну степень; в результате получалось 90 и 100 ударов тяжёлыми палками.

Однако совсем уж посторонний человек, чтобы подойти к воротам какого-либо дворца, должен был уже находиться на территории Дворцового комплекса. Если бы ход туда ему был закрыт и он оказался там неправомерно, за самовольный вход на эту территорию ему грозило куда более суровое наказание, чем битьё. Следовательно, если за пересечение линии ворот Дворцового комплекса или территории какого-то дворца человеку грозило всего лишь битьё, стало быть, на территории Дворцового города или Дворцового комплекса (в зоне более низкого уровня запретности по отношению к более высокому) этот человек находился вполне правомерно, это была для него зона нулевой запретности, он там, вполне возможно, служил, занимал пост или осуществлял какие-то работы на законном основании. Тем не менее подойти вплотную к границе, за которой была зона более охраняемая, более запретная, ему всё равно возбранялось. Именно это в статье и говорится.

> Находившийся внутри Дворцового комплекса человек (*гун нэй жэнь* 宫内人), которому не полагалось входить в ворота [территорий] дворцов, если он достиг порога ворот [территории какого-либо] дворца, но не пересёк его, наказывается

> 90 ударами тяжёлыми палками. Внутридворцовый гвардеец (*дянь нэй сувэйжэнь* 殿内宿衛人), достигший порога [какой-либо из] палат Шангэ, но не пересёкший его, наказывается 100 ударами тяжёлыми палками [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 60; Уголовные установления Тан 1999, с. 298].

Так что, скорее всего, эта норма права была специально предназначена для дворцового персонала, и поведение тех, кто был вообще вне Дворцового города, но посягнул на порог каких-либо из его ворот, под неё не подпадало. Минимальное наказание по данному закону – 80 ударов тяжёлыми палками – предназначалось тем, кто на легальных основаниях уже находился в Дворцовом городе, но посягнул на ворота, ведшие в Дворцовый комплекс.

Все учреждения столицы раз в месяц подавали наверх списки тех, кому по службе надлежало входить на запретные территории. Месяц – срок немалый. «Тан люй шу и» предусмотрел ситуацию, когда могла возникнуть некая экстренная ситуация и в Дворцовый город, или Дворцовый комплекс, а то и на внутренние территории надлежало бы пропустить не вошедших в списки людей. Званых визитёров обязательно должны были вводить на запретные территории сопровождающие.

> Тех, кого нет в списках и кому полагается войти (*у цзи ин жу* 無籍應入), всегда вводят (*цзе иньжу* 皆引入) [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 61; Уголовные установления Тан 1999, с. 300].

Тот, кто не был внесён в списки регулярным образом и, будучи приглашён, вызван или командирован во дворец, не дождался сопровождающего, а каким-то образом сумел сжульничать и убедить охрану, что он в списке есть, подлежал наказанию так, как если бы он вошёл на соответствующую территорию самовольно. Ровно так же следовало наказывать тех, кто в подобных обстоятельствах просто назвался именем другого человека, который в списке действительно значился, и под чужим именем вошёл на ту или иную запретную территорию. Два этих вида обмана считались эквивалентными. Наказание махинатору надлежало определять по статье о самовольном входе: два года каторги за вход в Дворцовый комплекс, 2,5 года каторги за вход на территорию

какого-либо из дворцов, а при наличии у визитёра оружия любое из этих наказаний следовало увеличивать на две степени.

Естественно, и в этих специфических случаях закон не мог оставить без наказания халатных стражников, по чьей милости на режимные территории был осуществлён неправомерный вход. Однако человеколюбивые танские законы сделали им существенное послабление, предписав считать их виновными лишь в первой ситуации, когда они позволили просто обмануть себя. Тут не было оправданий, и в полной мере действовали уже известные нам правила: не распознавшие обмана стражники смены получали наказания на две степени более лёгкие, чем сам преступник, начальник смены – ещё на одну степень более лёгкое; преднамеренные попустители получали то же наказание, что и сам преступник.

Если же вошёл тот, кто назвался именем человека, отмеченного в списках, охранникам оказывалось существенное снисхождение. «Тан люй шу и» не ограничивается установлением мер наказания, но углубляется в этические вопросы и подробно объясняет причины милосердия.

> Когда кому-то полагается войти, его вызывают по имени (*чан мин* 唱名) и лишь тогда он проходит. Не распознавшие обстоятельства прикрытия [чужим] именем не знали в лицо этого человека, но не имели в сердце собственного [желания] разрешить [незаконный вход] (*у синь сысюй* 無心私許). [В ситуациях с] воротами Дворцового комплекса они наказываются 80 ударами тяжёлыми палками. [В ситуациях с] воротами [территорий] дворцов и [далее] внутрь (*дяньмэнь и нэй* 殿門以內) наказание последовательно увеличивается на одну степень.
> Сказано только: не распознавшие обстоятельства прикрытия [чужим именем]. Не сказано: не распознавшие, что вошёл тот, кого нет в списках. Только присвоение имени [другого] человека, поскольку трудно всех людей знать в лицо, является основанием и причиной для облегчения наказания [там же].

Конечно, если кто-то из стражи в этом последнем случае поддался на обман сознательно, будучи в курсе, что входящий прикрылся чужим именем, он должен был быть наказан как обычный попуститель.

Неправомерный вход

Танские законодатели предусмотрели и вероятность менее предосудительных несанкционированных входов на режимные территории. Подобные действия являлись результатом не злого умысла, не самовольства, но всего лишь неких служебных накладок.

Одна из таких несообразностей и неувязок могла заключаться, по-видимому, в том, что человек, которому полагалось попасть на закрытую территорию, который шёл туда на более или менее законных основаниях, оказался по каким-то причинам в список ещё не внесён. Однако верный не букве, а духу службы, этот человек тем не менее через ворота прошёл. И вот этого-то как раз делать было нельзя.

Равно недопустимой являлась ситуация, когда некто, внесённый в долгий список (*чанцзи* 長籍), то есть имевший обязанность и возможность входить на режимную территорию всякий раз, когда это полагалось ему по службе в течение времени действия данного долгого списка, воспользовался этой возможностью не вовремя, не тогда, когда именно ему это надлежало для выполнения служебных обязанностей. Ведь лица, входившие в списочный состав долгих списков, служили во дворце не постоянно, а посменно. Каждый должен был находиться там исключительно в составе своей смены. И каждый такой служащий, если он входил на режимную территорию не в составе своей смены, а например, отдежурив положенное время вместе со своими, а потом вновь вернувшись уже сам по себе, фактически являлся человеком, которому посещать запретные зоны вообще-то полагалось, но в данный момент пребывающим как бы вне списка, поскольку – вне своей смены.

Формально две указанные ситуации считались равно криминальными и поэтому равно наказуемыми. Поступки такого рода расценивались как некий ослабленный вариант самовольного входа, поскольку, хотя служебная необходимость войти на запретную территорию у ослушника и была (следовательно, о полной самовольности речи не шло), этот вход, оказавшись несвоевременным – преждевременным или запоздало дополнительным, с формальной точки зрения стал не совсем законным. Поэтому некая

доля самовольности тут возникала. И совершенно логично, что отправной точкой для определения наказания за оба проступка являлись схемы наказания за самовольный вход.

> Всякий, кому полагалось войти в Дворцовый комплекс или [на территорию какого-либо] дворца, если он вошёл, не будучи отмечен в привратном списке (*вэй чжу мэньцзи* 未著門籍), [или кто], хотя бы он был [внесён] в долгий список, самоуправно вошёл, когда данная смена [уже] сдала дежурство, соответственно каждому данному случаю получает наказание, уменьшенное на пять степеней относительно [полагающегося за] самовольный вход [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 64; Уголовные установления Тан 1999, с. 305–306].

Это значит, что в обеих этих ситуациях за вход в Дворцовый комплекс полагалось 80 ударов тяжёлыми палками, за вход на территорию какого-либо дворца – 90 ударов тяжёлыми палками, а при наличии у вошедшего оружия наказание увеличивалось на две степени – за вход в Дворцовый комплекс 100 ударов тяжёлыми палками, за вход на территорию дворцов – один год каторги.

Ещё менее тяжкой вариацией несанкционированного входа являлись тоже два предполагавшихся вероятными деяния, обусловленные неорганизованностью и некоторой, можно сказать, безалаберностью дворцовых служащих или гвардейцев.

Одно заключалось в том, что некий работник какого-то из дворцовых ведомств вошёл на предписанную ему службой территорию не через те ворота, которые ему были назначены пропускной системой: полагалось войти через западные, а вошёл через восточные, полагалось войти через боковые, а вошёл через главные, и т. п.

Другое – в том, что некий работник, чья очередь дежурить в ночь на территории дворца ещё не подошла, тем не менее поторопился провести ночь на режимной территории.

> Самоуправно оставшийся на ночь, если ночная очередь [дежурства] (*су цы* 宿次) ещё не подошла, или же вошедший через западные ворота, если внесён в список восточных ворот, получает наказание, уменьшенное ещё на две степени [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 64; Уголовные установления Тан 1999, с. 306].

За эти две разновидности служебных проступков наказание полагалось определять, отталкиваясь от уже уменьшенных на пять степеней наказаний за первые две служебные несообразности – то есть за вход служебно обусловленный, но не легитимизированный упоминанием имени вошедшего в привратном списке, а также за вход не в составе своей смены. Следовательно, относительно самовольного входа как такового наказания уменьшались уже на семь степеней. То есть если нарушение явилось следствием входа на территорию Дворцового комплекса – 60 ударов тяжёлыми палками, на территорию какого-либо из дворцов – 70 ударов тяжёлыми палками, если нарушитель имел при себе оружие – на две степени тяжелее, то есть 80 или 90 ударов тяжёлыми палками.

Ночной вход и выход

Если в неурочное время поступал приказ открыть или закрыть какие-либо из городских ворот, следовало немедленно направить доклад-запрос в ту инстанцию, от которой поступило странное распоряжение, и попросить повторить его. Лишь по получении подтверждения и составной бирки[8], верифицировавшей полномочия того, кто с этим приказом прибыл, ворота открывали или закрывали.

Если же аналогичное распоряжение поступало к привратной страже ворот Дворцового города или какого-либо из дворцов, надлежало действовать следующим образом:

> Согласно внутриведомственным установлениям привратной стражи, получивший Высочайшее повеление человек (*шоу чи жэнь* 受敕人) исчерпывающе записывает, [почему] необходимо открыть ворота и [какие] люди входят или выходят, и [вместе с этой записью] Высочайшее повеление пересылается к сведению надзора Срединных документов (*чжуншушэн* 中書省). Надзор Срединных документов пересылает его к сведению Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省). Тогда [дежурный ответственный за] все внутренние ворота Дворцового комплекса [мóлодец] при вратах, [дежурные от] всех гвардий, находящиеся в данный момент на очередном

[8] О разного рода верительных бирках см., напр. [Рыбаков 2018а, с. 233].

дежурстве, а также главнокомандующий Привратной гвардии [либо] командующий Привратной гвардии, срединный мóлодец-командующий [либо] мóлодец-командующий, отбивающий вражьи нападения [общеначальствующий пристав] [либо] непреклонно-смелый [общеначальствующий пристав] – по одному находящемуся внутри человеку от каждой [инстанции] являются в палаты с докладом, испрашивающим подтверждения распоряжения. [По получении] императорского разрешения испрашивают составную верительную бирку и ключи от ворот. Ответственные чиновники привратной стражи первым делом приводят привратный караул в состояние готовности. Внутри и снаружи от открываемых ворот выставляются отряды, зажигаются факелы и производится проверка подлинности составной верительной бирки. Затем открывают ворота [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 71; Уголовные установления Тан 1999, с. 316].

Разумеется, все эти меры не были прихотью или самодурством. Всегда и везде в ночное время меры безопасности усиливаются, ужесточаются, становятся более изощрёнными, поскольку недостаток освещённости и естественная сонливость стражи по понятным причинам способствуют реализации злоумышлений самого разного рода.

Закон выделял четыре основных типа неадекватного поведения стражи после получения Высочайшего распоряжения на открытие в ночное время ворот Дворцового комплекса или внутренних дворцовых территорий. О предшествовавших формальностях – составлении предварительного акта о получении распоряжения и его мотивировке, о перепасовке инстанциями документов, потребных для получения императорского подтверждения данного ранее распоряжения, о получении верительных бирок и ключей речи в уголовных статьях не ведётся. Закон в данном случае волновали только действия самих стражников в отношении уже не бумаг, а непосредственно ворот. Лишь реальное их открытие представляло не гипотетическую, но непосредственную угрозу для территории дворцов и их обитателей.

Во-первых, должностные лица при воротах могли в суматохе и пылу повиновения открыть ворота по неправильной бирке

(*цо фу* 錯符). Это несколько абстрактное определение в тексте «Тан люй шу и» уточнено: *фэй со кайби чжи фу* 非所開閉之符, то есть «бирка не на открытие и закрытие ворот». Какую именно из многочисленных типов верительных бирок могли подсунуть всполошённому экстренной ситуацией начальнику привратной стражи, было ли то результатом злого умысла со стороны обладателя бирки или результатом путаницы при её получении, закон не интересовало. Начальнику стражи данных ворот должна была быть предъявлена бирка на открытие или закрытие именно ворот, а любые иные бирки были в этой ситуации неправильными.

Офицер стражи, открывший ворота в ночное время по неправильной бирке – подразумевается при том, что все остальные документы, вплоть до императорского подтверждения с требованием повиноваться ранее полученному повелению, были в порядке, – должен был быть наказан 100 ударами тяжёлыми палками.

Более серьёзным проступком считалось открытие ворот в ситуации, когда и бирка была правильной, и обе её части вполне подходили друг к другу надлежащим образом, но вот проверить-то данный факт офицер стражи как раз и не захотел, а поторопился, всего лишь увидев бирку в руках того, кто требовал открыть ворота. За эту халатность должностное лицо привратной стражи подлежало наказанию тремя годами каторги.

Если же начальник стражи был настолько недисциплинирован, настолько, скажем, поддался напору тех, кто требовал открыть ворота, что, добросовестно проверив совместимость левой и правой частей бирки и обнаружив, что они не подходят друг к другу, всё же открыл ворота (вместо того чтобы, как полагалось, подать о данном казусе соответствующий тревожный рапорт и этим ограничиться), наказание было уже – ссылка на 2 тыс. *ли*.

Тот же, кто открыл или закрыл ворота Дворцового комплекса или ворота территории какого-либо из дворцов вообще без Высочайшего распоряжения, самовластно (*шань* 擅), подлежал удавлению.

Даже если ночное открытие ворот было совершено по всем правилам, с соблюдением всех условностей и всех требований мер безопасности, строго в соответствии с необходимыми документами, входить в экстренно раскрытые ворота или выходить

из них наружу можно было только тем людям, что были обозначены в Высочайшем распоряжении, которое, собственно, и явилось причиной ночного переполоха. Правда, о том, что такое распоряжение включало в себя какой-то перечень лиц, уполномоченных пройти, в «Тан люй шу и» упоминается очень скупо:

> …Получивший Высочайшее повеление человек исчерпывающе записывает, [какие и почему] необходимо открыть ворота и [какие] люди входят или выходят (*цзюй лу сюй кай чжимэнь бин жу чу жэнь чжан* 具録須開之門并入出人帳)… [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 71; Уголовные установления Тан 1999, с. 316].

Если, воспользовавшись экстренным открытием ворот, на территории дворцов или Дворцового комплекса входил некто, не включённый в список лиц, для входа или выхода которых были открыты ночью ворота, это рассматривалось существенным нарушением режима, причём отнюдь не формальным, но чреватым непредсказуемыми последствиями. Ведь система безопасности давала в этой ситуации заметный сбой.

Серьёзность этого сбоя зависела от того, насколько глубоко в запретную зону смог проникнуть ночной визитёр, но в первую очередь – ещё и от того, имел ли он законную возможность посещать данные глубины днём. То есть, говоря проще, значился ли он в привратных списках, согласно которым ходил сюда днём по служебным надобностям, или был полностью посторонним.

«Тан люй шу и» уточняет:

> Люди, которые есть в [привратных] списках ворот Дворцового комплекса или [территорий] дворцов, должны входить и выходить только в дневное время. Тому, кто самоуправно вошёл благодаря ночному открытию и закрытию, наказание определяется как за самовольный вход [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 72; Уголовные установления Тан 1999, с. 320].

Такой подход представляется вполне логичным. Наличие имени в списках давало возможность прохода только в определённое время, обусловленное родом службы. Если некто прошёл в те же ворота, что и всегда, но не вовремя, не тогда, когда этого

требовали служебные обязанности, это ничем не отличалось от полного своеволия. Следовательно, такой человек должен был быть наказан двумя годами каторги, если прошёл на территорию Дворцового комплекса, 2,5 годами каторги, если прошёл на территорию какого-либо из дворцов, и так далее, вплоть до удавления за проникновение в палаты Шангэ и обезглавливание за проникновение к месту пребывания державных особ. Наличие оружия усугубляло все полагавшиеся наказания обычным образом, то есть на две степени – до трёх лет каторги в первом случае, ссылки на 2 тыс. *ли* во втором и обезглавливания в третьем.

Если же воспользовавшийся экстренным открытием ворот человек вообще не имел отношения к службе во дворцах и не был включён в привратные списки, все наказания, полагавшиеся бы за самовольный вход, следовало ужесточать на две степени. Отсутствие в списках фактически приравнивалось по тяжести отягчающих обстоятельств к наличию оружия. За проход в Дворцовый комплекс незваного гостя следовало покарать тремя годами каторги, на территорию дворцов – ссылкой на 2 тыс. *ли* и так далее.

Если же наличествовали оба отягчающих фактора, вероятно, полагалось бы для начала сплюсовывать оба увеличения, так чтобы наказание оказывалось на четыре степени тяжелее, чем за обычный самовольный вход. Тогда за проникновение уже на территорию Дворцового комплекса следовало бы карать ссылкой на 2,5 тыс. *ли*, а на территории дворцов – ссылкой на 3 тыс. *ли*. Однако от этих уточнений «Тан люй шу и» уклонился. Сказано лишь, что незваный ночной гость, чьё имя отсутствовало в привратных списках, если он был ещё и вооружён, за вход на территорию какого-либо из дворцов подлежал удавлению. Видимо, это лаконичное предписание относится равным образом и к тем, кто есть в списках, и к тем, кого в них нет. Ночью, незаконно, с оружием и во дворец – тут, видимо, было уже не до списков.

А вот проскочить в экстренно открытые ворота наружу – это было лишь нарушением порядка, актом недисциплинированности, возможно – следствием некоего разгула или некоей корысти, но не несло в себе опасностей для обитателей режимных территорий и их ночной службы. Тот, кто воспользовался ночным откры-

тием ворот и несанкционированно вышел с территории дворцов или Дворцового комплекса, вне зависимости от того, было его имя в привратных списках или нет, подлежал всего лишь 80 ударам тяжёлыми палками.

Ночное раскрытие ворот несло в себе и иную опасность. Не обязательно, чтобы некий неучтённый в Высочайшем распоряжении человек, включённый в дневные списки или нет, проявлял чудеса проворства и проскакивал в экстренно раскрытые створки или, напряжённо делая вид, что он тоже в своём праве, рискуя собой, на глазах у стражи шествовал вместе с теми, кто входил на легальных основаниях. Неучтённого распоряжением человека или даже нескольких мог провести тот, кто входил или выходил через экстренно открытые ворота совершенно правомерно. И тогда преступление могло быть сочтено более сложным и, в сущности, более опасным, ибо оказывалось коллективным, стало быть, представляло собой сговор.

> Имеется в виду, что человек, получивший Высочайшее распоряжение, разрешающее войти или выйти, ввёл или вывел [с собой] лишнего человека [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 72; Уголовные установления Тан 1999, с. 321].

Количество незаконно попавших внутрь снаружи или наружу изнутри напрочь выпало из рассмотрения данной статьи, и нет никаких намёков на то, что в зависимости от числа «лишних» наказание варьировалось так, как это частенько бывало в иных ситуациях: скажем, за одного лишнего столько-то, за каждых двух дополнительных – на одну степень больше, и так далее. Поэтому остаётся предположить, что речь идёт либо об одном-единственном незаконно проведённом и не более, либо что количество «лишних» не влияло на тяжесть наказания. Второе выглядит странновато: есть всё же объективная разница, одного нежелательного посетителя провёл с собой экстренно входящий во дворец человек или десяток.

В остальном логика танских законодателей безупречна. Если в ночное время человек, который входил во дворец во исполнение Высочайшего распоряжения, провёл с собой кого-либо незваного, тот как бы совершал незаконный вход. Но активной сторо-

ной, действующим лицом выступал не сам проведённый, а тот, кто его провёл. Поэтому именно на него переносилось трансформируемое в зависимости от привходящих обстоятельств наказание за самовольный вход.

Если проведённый человек значился в дневных привратных списках, наказание того, кто его провёл, в точности соответствовало наказаниям, определяемым по соответствующей норме закона: два года каторги за ввод на территорию Дворцового комплекса, 2,5 года каторги за ввод на территорию какого-либо из дворцов и так далее.

Если «лишний» человек в списках не значился, наказание тому, кто его ввёл, ужесточалось на две степени: до трёх лет каторги в первом случае, ссылки на 2 тыс. *ли* во втором и так далее.

Наличие оружия у проведённого влияло на тяжесть наказания проведшего обычным образом.

Если же «лишнего» человека не ввели, а вывели из дворцов наружу, тот, кто его вывел, подлежал наказанию 80 ударами тяжёлыми палками.

Однако все эти действия были коллективными преступлениями, и поэтому тот, кто играл пассивную роль, тот, кто был «лишним», не мог тоже не оказаться в сфере внимания.

Закон ставил перед следствием сложнейшую задачу: выяснить, был ли «лишний» в курсе того, что его ведут как «лишнего» или нет. Каким образом информация о том, фигурирует ли он в Высочайшем повелении или его просто взяли и повели, могла оказаться доступна самому «лишнему», не очень понятно, но, во всяком случае, «Тан люй шу и» предусматривает такую возможность. Значит, она не была чистой абстракцией. Однако описание состояния осведомлённости, которую даёт текст, не очень помогает понять, что происходило.

> Имеется в виду, что проведённый человек знал о том, что его ведут как лишнего [там же].

Во всяком случае, если «лишний» знал, что он «лишний», то ему полагалось наказание, уменьшенное на одну степень по сравнению с наказанием того, кто его провёл, то есть с наказа-

нием за самовольный вход в ночное время со всеми его вариациями. Фактически проведённый приравнивался к соучастнику преступления, а проведший оказывался главарём. Если был осуществлён выход с территории какого-то дворца в Дворцовый комплекс или из Дворцового комплекса наружу, главарь получал 80 ударов тяжёлыми палками, а сообщник, то есть проведённый, – 70 ударов. Когда проведшему полагалось два года каторги, проведённому – 1,5 года каторги, когда проведшему полагалась ссылка на 2 тыс. *ли*, проведённому – три года каторги. И так далее.

Если же «лишний» каким-то загадочным для современного человека образом не знал об обстоятельстве того, что его ведут как «лишнего», и, видимо, просто и бездумно, не рефлексируя, исполнял приказ того, кто его вздумал с какой-то целью провести, – он не подлежал никакой ответственности.

Когда император отсутствует

Все эти нормы были прописаны в первую очередь для мест постоянного обитания Сына Неба и императриц. Это понятно уже из того, что любое проникновение на территорию Дворцового комплекса в пределе своём мыслилось чреватым вероятностью достижения места, где пребывает державная особа. Предельно криминальная стадия самовольного входа была закономерным развитием ситуации, была пусть и последней, но естественной степенью нарастания злодейской сущности качественно одного и того же деяния.

Однако в Поднебесной существовало довольно много разного рода императорских резиденций – от дворцовых комплексов второй столицы, Лояна, до «удалённых дворцовых комплексов» (*ли гун* 離宮), то есть летних, загородных дворцов, где державные особы в случае необходимости или по прихоти могли провести время летней жары, и путевых дворцов, где державные особы могли останавливаться для отдыха или ознакомления с местной ситуацией во время путешествий по стране. Содержать в них постоянный штат охраны и обслуги не было ни возможности, ни необходимости. Такие резиденции поддерживались в разной степени готовности.

Именно от текущего состояния объектов зависела строгость наказания за самовольное попадание на их территорию. Формально преступления могли быть вполне аналогичны уже рассмотренным – несанкционированный вход с оружием или без, проникновение (перелезание через стену и пр.), достижение внутренних территорий и расположенных там палат. Однако сущность была совсем иной. Такие вторжения не несли в себе непосредственной угрозы первым лицам страны, поскольку их там в данное время просто не было. И вдобавок они не несли в себе угрозы сговора с персоналом, поскольку даже персонала в это время там тоже не было и дворец находился, как бы мы сейчас сказали, на консервации.

Служащих дворца «Тан люй шу и» упорно именует коротко и не очень определённо: *гунжэнь* 宫人. Буквально этот термин значит просто «дворцовый человек» и переводится как «1) фрейлина, дворцовая служанка; 2) царский постельничий» [Большой китайско-русский словарь 1983–1984, т. 2, с. 542]. Обозначает он в первую очередь всё-таки женский персонал (потому я в своём переводе «Тан люй шу и» и передавал его выражениями «дворцовые девы» или «дворцовые служанки») [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 69; Уголовные установления Тан 1999, с. 313, 314]. У. Джонсон в своём переводе «Тан люй шу и» выразился ещё более конкретно: «lady of imperial harem», то есть «дама императорского гарема» [The T'ang Code 1997, p. 31]. Р. де Ротур несколько осторожнее: «femme du Palais» – «дворцовые женщины» [Rotours 1947–1948, p. 244, 247, 961]. В «Большом словаре китайского языка» этот термин толкуется именно как *гуннюй* 宫女, т. е. «дворцовые женщины» [Чжунвэнь да цыдянь 1976, т. 3, с. 505]. Этот термин мог употребляться в двух смыслах: более широком, означавшем вообще всё женское население Дворцового города, и узком, когда им обозначалась лишь женская обслуга. Второй вариант и предлагает в качестве интерпретации тот же «Большой словарь китайского языка»: «прислуживающие внутри дворца женщины». Однако в перечислении функций отдела имуществ (*цзиньбу* 金部) Подворной части (*хубу* 戶部) есть следующий пассаж: *цзи гунжэнь ванфэй гуаньнуби ифу* 給宫人王妃官奴婢衣服, то есть «[отдел] обеспечивает одеждой дворцовых дев, княжеских матерей и жён, а также казённых рабынь» [Синь Тан

шу 1975, с. 1193]. Поскольку *гунжэнь* идут в этом списке первыми, раньше даже супруг князей крови, трудно думать, что под дворцовыми девами имелись в виду только служанки.

Во всяком случае, понятно, что женская часть дворцового персонала волновала танских законодателей в первую очередь – и по моральным соображениям (дворцовые девы должны были блюсти сугубую чистоту), и по чисто прагматическим (вероятно, считалось, что неискушённую затворницу-глупышку легче как обидеть, так и использовать в неблаговидных целях, вовлечь в интригу или заговор).

> Всякому, кто преступно совершил самовольный вход в Дворцовый комплекс или [на территорию какого-либо] дворца, когда державная [особа] там не пребывает, соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на одну степень. Если в [данном] месте нет дворцовых дев, наказание уменьшается ещё на одну степень. Вошедшему в палаты Шангэ, когда там есть дворцовые девы, наказание не уменьшается [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 69; Уголовные установления Тан 1999, с. 313].

В комментарии данное указание уточняется:

> Если в каком-либо из внешних дворцовых комплексов имеются гвардейцы, [выставленные] для несения охраны, [того, кто] совершил самовольный вход, должно наказать одним годом каторги [там же].

Из этого замечания понятно, что законсервированные дворцы всё же охранялись, и именно поэтому самовольный вход был наказуем. Видимо, если дворец пустовал настолько, что был фактически заброшен безо всякого присмотра, самовольный вход просто не считался криминальным. Ведь постов на воротах не было, документы никто не проверял, за стенами никто не присматривал, внутренние территории не патрулировались.

Но когда пустующий дворец сохранял статус охраняемого объекта, то, хотя обслуживающего персонала внутри и не было, его по-прежнему берегли, и первая же стадия преступного визита – самовольный вход – требовала наказания. Правда, на две

степени более лёгкого, чем такой же вход в дворцовый комплекс, где державные особы в данное время наличествовали. Уменьшение двух лет каторги на две степени давало один год каторги. Соответственно, вход на территорию какого-то дворца надлежало наказывать 1,5 годами каторги.

Если же обслуживающий персонал *гунжэнь* на охраняемом объекте был, только августейших особ не было, наказание за самовольный вход в комплекс уменьшалось не до одного года, а до 1,5 лет каторги, а за вход на территорию какого-либо дворца не до 1,5, а до двух лет.

Тому, кто после самовольного входа или проникновения достиг палат Шангэ данного дворца, если там были обслуживающие особы, наказание вообще не уменьшалось, то есть преступнику полагалось удавление. Если же *гунжэнь* не было, наказание за вход в Шангэ уменьшалось на две степени, то есть становилось равным трём годам каторги.

Эта норма была универсальной. Любые иные преступления, связанные с самовольными входами на территории Дворцового комплекса или дворцов, где во время вторжения державных особ не было, полагалось наказывать с предписанной в данной статье схемой уменьшения строгости.

Дальнейший текст статьи отчётливо показывает, в чём танские законодатели усматривали главную опасность несанкционированных проникновений во дворцы, в данный момент не удостоившиеся присутствия императора и императриц. Основная угроза заключалась в частных контактах с дворцовым персоналом, и именно такие контакты данной нормой закона надлежало пресечь. Не всякий такой контакт, разумеется, был чреват прямым антигосударственным заговором. Но исходить законодатели предпочитали из худшего. Для тех, кто постоянно служит во дворце и допущен в святая святых, мир и должен исчерпываться этим дворцом. Поэтому даже тем, кто попал на территорию пустующего дворцового комплекса по вполне законным причинам, по службе, по необходимости, со вполне исправными документами, настрого запрещалось вступать в какие-либо контакты с персоналом.

> [Тот, кто] хотя бы вошёл и не самовольно, но самоуправно заговорил с [кем-либо из] дворцовых дев, равно как [приблизился к кому-либо из них] непосредственно, чтобы передать (*цинь вэй тун* 親為通) письмо, одежду или вещь, наказывается удавлением. (…)[Данному] человеку полагалось войти (*ин жу* 應入) во дворец. Но частным порядком заговаривать с дворцовыми девами [такому человеку всё равно] нельзя. [Приблизился к кому-либо из них] непосредственно, чтобы передать письмо, одежду или вещь – имеется в виду, что [пришёл] непосредственно туда, где была дворцовая дева (*цинь юй гунжэнь чу* 親於宮人處), и взял письмо, одежду или вещь, с тем чтобы [вынести] наружу, или же отдал дворцовой деве письмо, одежду или вещь от человека со стороны. И в том и в другом случаях наказывается удавлением [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 69; Уголовные установления Тан 1999, с. 314][9].

Несанкционированные ночёвки

Помимо чиновников, ежедневно ходивших на службу в расположенные на режимных территориях учреждения и нёсших там дежурства, а также военных, посменно охранявших эти территории, туда зачастую полагалось ходить и на иррегулярной основе. Например, чиновники в зависимости от ранга и должности с той или иной частотой обязаны были посещать ординарные императорские аудиенции. Кроме того, существовали и более индивидуализированные процедуры. Например, официальные лица, отбыва-

---

[9] Иероглиф *цинь* 親, исходно обозначающий родителей, родственников, родство или близость, имеет весьма много значений. Одно из них – вступать в непосредственный физический контакт; словари даже приводят в качестве примера использования *цинь* в этом значении известную конфуцианскую максиму «мужчины и женщины, передавая что-либо друг другу, да не соприкасаются» (*нань нюй шоушоу бу цинь*男女授受不親) [Большой китайско-русский словарь 1983–1984, т. 4, с. 465]. Может он значить, однако, и «лично, собственной персоной, (…) лично заниматься (*чем-л.*)» [там же]. Передавая выражение *цинь вэй тун* 親為通 как «[приблизился к какой-либо из них] непосредственно», я постарался использовать первую из этих двух трактовок, но, не исключено, здесь имеется в виду всего лишь то, что человек, вошедший во дворец на законных основаниях, самолично, не через посредника, передал что-то дворцовой деве или взял у неё. Однако первая версия мне представляется более приемлемой. Ведь *цинь* в перечислении запретных действий не зря следует за первым вариантом преступного контакта с дворцовой жительницей – простого разговора. *Цинь* упоминается как необходимое условие передачи из рук в руки, что возможно только при непосредственном контакте, тогда как разговаривать можно и стоя поодаль.

ющие из столицы на провинциальную службу или в командировку, обязаны были являться ко двору для получения напутствия или просто удостаивались возможности лицезрения владыки.

Однако на запретные территории ходили не только работники гражданской или военной администрации. Императорский Дворцовый комплекс жил сложной и напряжённой хозяйственной жизнью: что-то строилось, что-то сносилось, что-то ремонтировалось или реконструировалось. Во дворец подвозили продовольствие, стройматериалы, рабочую силу, ткани для изготовления одежды или всякого рода драпировок, зонтов и, скажем, покрывал на паланкинах. Организация этой деятельности требовала немалых усилий и огромной организованности. Кроме того, при осуществлении всех этих трудоёмких процессов требовалось ещё и строго соблюдать все меры безопасности. Учитывая масштаб перемещений, можно с определённостью сказать, что это было непросто.

Таким образом, снаружи внутрь и изнутри наружу через те или иные ворота то и дело следовали подданные самого разного толка, от высокопоставленных эмиссаров до чернорабочих и грузчиков.

Все они, хотя и на основании самых разных документов, как персональных, так и групповых, имели уважительные причины для проникновения в режимную зону и даже законную необходимость посетить её. Но это отнюдь не значило, что им там можно было пребывать сколько заблагорассудится.

> Всякий, кто по делу вошёл в Дворцовый комплекс или [на территорию какого-либо] дворца, но самоуправно остался на ночь (*чжэсу* 輒宿), а также тот, кто позволил [ему там] задержаться (*жунчжи* 容止), соответственно каждому данному случаю получают наказание, уменьшенное на две степени относительно [полагающегося за] самовольный вход… [Если это произошло] в Дворцовом комплексе, наказываются одним годом каторги, если [на территории какого-либо] дворца – 1,5 годами каторги [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 63; Уголовные установления Тан 1999, с. 303].

Под «позволившим задержаться» имеется в виду, конечно, не какой-то охранник-разгильдяй, не заметивший того, что кто-то не покинул режимной территории, но некто, у кого или под чьим

покровительством могла быть осуществлена незаконная ночёвка. «Позволить задержаться» в данном контексте, видимо, близко к «дать приют». Ведь по ночам территория патрулировалась (и, стало быть, в число «давших приют» мог быть, вероятно, зачислен и патрульный, обнаруживший нарушителя, но не схвативший его).

В тексте непрояснённым остаётся вопрос, могла ли быть применена данная норма закона к тому, кто смог переночевать там, где не полагалось, на свой страх и риск, безо всякого приюта, просто под кустом или за выступом стены? Или для того, чтобы задействовать эту норму, обязательно нужны были двое? Или закон исходил из того, что без пособника одинокий нарушитель не смог бы остаться на режимной территории на ночь и, во всяком случае, непременно был бы вовремя обнаружен? Но если обязательно нужны были двое, по какой статье следовало определять наказание тому безрассудному чиновнику или рабочему, который с наступлением вечера имел бы дерзость безо всяких пособников задремать в укромном уголке Дворцового комплекса и не был бы задержан, например, до третьей стражи? С точки зрения здравого смысла, предписания данной статьи могли быть применены в зависимости от ситуации и к преступному одиночке, и к преступной паре.

Так или иначе либо сам оставшийся на ночь после завершения церемонии или рабочего дня, либо и он, и тот человек из внутреннего персонала, кто дал ему убежище на тёмное время суток (пусть даже, например, из гуманных побуждений, чтобы того не задержал патруль и чтобы случайно отставший от своих человек спокойно дождался утра и попытался бы с наименьшими потерями выйти с территории уже при дневном свете), расценивались танским законом как опять-таки совершившие своего рода самовольный вход. Хотя и в ослабленном варианте. Ведь формальная необходимость, уважительная, то есть производственная, причина попасть на охраняемый объект у пришельца всё же была. Криминал заключался не в том, что он пришёл неправильно, а в том, что он должен был правильно ещё и уйти, но не ушёл.

Полностью аналогично ситуации с самовольным входом расценивались действия охраны, демонстрировавшие действительно не слишком-то добросовестное отношение к службе.

Для осуществления крупных ремонтно-строительных работ или масштабной погрузки либо разгрузки на дворцовые территории могли быть с надлежащим сопровождением проведены сравнительно большие группы мастеров и рабочих. Все они не были чиновниками, не имели личных удостоверений, и относительно них составлялись общие, групповые списки, где фиксировалась численность входивших в группу людей и, возможно, приметы (возраст и внешний вид) каждого. Понятно, что допуск в охраняемую зону мог быть осуществлён только на основании этих документов и только с учётом числа участников группы.

> Если людей (…) вводят в Дворцовый комплекс или [на территорию какого-либо] дворца, когда [нужно] что-то доставить, отправить или построить, и привратные непосредственно ответственные лица (*мэньсы* 門司), не получив письменного свидетельства (*вэнь де* 文牒), разрешили войти либо если в числе [вошедших] людей имелось превышение (*жэнь шу ю шэн* 人數有剩), соответственно каждому данному случаю наказание [ответственным лицам] определяется как за самовольный вход. Когда доходит до смерти – наказываются ссылкой с дополнительными работами [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 63; Уголовные установления Тан 1999, с. 304].

Фактически в данном случае действовала норма закона о попустительстве – в основополагающей статье о самовольном входе было предписано, что охранники, сознательно пропустившие через ворота человека, не означенного в привратных списках, наказывались тем же наказанием, что и сам преступник. Здесь, однако, попустительства не было, поскольку и самовольного входа как такового не было – людей вели. И вот тут-то виновных в произошедшем нарушении охранников наказывали так, будто именно они сами совершили самовольный вход. Ведь была халатность, настолько преступная, настолько вопиющее пренебрежение элементарными правилами несения службы, что закон просто приравнял нерадивых привратников к нарушителям режима.

Интересно, что криминальным считалось лишь то несовпадение реальной и списочной численности группы, при котором реальная численность была больше списочной. Противоположной

коллизией – когда ведомых было меньше, чем значилось в документах – закон вообще пренебрёг. Определённая логика в этом есть. Именно неучтённые лишние лица, проникнув в запретную зону, представляли наибольшую опасность, именно за ними было труднее осуществлять необходимый догляд. Именно они, незаконно примкнувшие к законно движущейся группе, могли считаться наиболее вероятными сознательными злоумышленниками. Именно они могли остаться с самыми низменными намерениями на территории дворцов после того, как группу по окончании работ выводили бы – ведь тогда на выходе её списочный состав вполне соответствовал бы реальному и у охраны не было бы никаких оснований поднимать тревогу. А вот пропустить меньше людей, чем их значилось в свидетельстве, было ненаказуемо, поскольку в этом случае самовольно никто не входил.

Характерно и то, что тяжесть наказания здесь не ставилась в зависимость от количества незаконно попавших на режимную территорию рабочих. Этот параметр попросту опущен. Надо полагать, следовательно, что, пройди в ворота без предъявления списка пять человек или двадцать пять, или будь группа по численности больше заявленной в свидетельстве на три человека или на тридцать, нерадивому проверяющему у ворот полагалось бы одно и то же наказание – как если бы он сам, лично, проник без документов туда, куда он без документов кого-то пропустил.

Как и при личном самовольном входе, тяжесть наказания зависела лишь от того, насколько глубоко в режимную зону смог пройти незаконно вошедший. Если дело ограничилось Дворцовым комплексом – два года каторги. Если был совершён вход на территорию какого-либо из официальных (то есть не внутренних, не жилых) дворцов – 2,5 года каторги. Если же незаконно попавшие в запретную зону лица достигли палат Шангэ или места, где пребывает державная особа, по статье о самовольном входе полагалась смертная казнь через удавление и даже обезглавливание, но здесь впервые закон делал для нерадивых охранников послабление. Поскольку в их действиях не было преступного умысла, не было сознательного намерения самим проникнуть на запретные территории, смертную казнь им заменяли ссылкой с дополнительными работами.

Ответственность за неправомерные действия в этих двух ситуациях – когда вход группы был разрешён без предъявления свидетельства или когда число ведомых превышало то, что было в этом свидетельстве обозначено, – возлагалась и на сопровождающих эту группу должностных лиц. Понятно, что рабочие шли не сами по себе, а организованно и не сами предъявляли свои документы в воротах, – за всю группу это делали сопровождающие. «Тан люй шу и» называет их *цзянлин чжусы* 將領主司 – «ведшие непосредственно ответственные лица». Впрочем, в реальности вести группы рабочих или грузчиков во дворец мог и один чиновник, тогда наличествовали не «лица», но «лицо» (скорее всего, так и было). Но на сути это не отражалось.

Если сопровождающий лидер сталкивался с тем, что его группу пропускают через ворота без предъявления свидетельства, и тем не менее ничтоже сумняшеся вместе со всей своей бригадой шёл внутрь или если он знал, что ведёт больше людей, чем обозначено в свидетельстве, он также оказывался виновен в чём-то вроде самовольного входа, который был совершён не им, но контролируемыми им людьми.

> Если ведшие непосредственно ответственные лица знали [об обстоятельствах], соответственно каждому данному случаю они получают наказание, уменьшенное на одну степень относительно [полагающегося за] самовольный вход [там же].

То есть ответственность на сопровождающего всё же возлагалась несколько меньшая, чем на привратную охрану, ведь именно её непосредственной и исключительной обязанностью было обеспечение правомерности перемещений. Меньшая – но не принципиально, не качественно. Тяжесть наказания и здесь не зависела от величины превышения реального состава над списочным или от количества людей, проведённых в ворота без документов. На неё опять-таки влияла только глубина проникновения. Сопровождающий, осознанно проведший кого-то без документов или кого-то, не включённого в документ, на территорию Дворцового комплекса, должен был быть наказан 1,5 годами каторги. В ситуации с территорией какого-либо из дворцов – двумя годами. Если же проведённые достигли палат Шангэ или места, где пре-

бывает державная особа, за самовольный вход как таковой полагалось бы в первом случае – удавление, во втором – обезглавливание, значит, сопровождающему – ссылка на 3 тыс. *ли* (поскольку обе разновидности смертной казни при уменьшении по степеням считались за одну степень).

«Тан люй шу и» предусмотрел и ситуацию, когда сопровождающий каким-то образом не заметил, что его группу пропускают в ворота без документов или что в его группе народу больше, чем обозначено в свидетельстве. Излишне сейчас гадать, как такое могло вообще случиться. Но вряд ли творцы «Тан люй шу и» включили бы в число юридических гипотез совсем уж лишённую вероятия коллизию. На этот случай предусматривалось ещё одно уменьшение наказания, теперь на две степени, уже уменьшенного на одну степень наказания за самовольный вход. Стало быть, полагавшиеся за сознательное проведение группы без документов или с превышением числа участников 1,5 года каторги превращались в 100 ударов тяжёлыми палками, два года – в один год, ссылка на 3 тыс. *ли* – в 2,5 года каторги.

При коллективных преступлениях закон мало кого оставлял без наказания; все должны были получить по заслугам, никого нельзя было оставить без внимания. Так и на этот раз. Даже члены группы, ведомые и безвольные, должны были получить наказание в тех случаях, если они заметили, что их пропускают без предъявления документов, или если знали, что их больше, чем надо. Предполагалось, видимо, что они, дабы избежать наказания и остаться чистыми в глазах закона, должны как-то оказать неподчинение? Но неизвестно, что для них было бы хуже. Во всяком случае:

> Вошедшие, если они знали (*жу чжэ чжи* 入者知), получают наказания, уменьшенные ещё на пять степеней. Не знавшие не подлежат ответственности [там же].

Относительно самовольного входа как такового наказания уменьшались, таким образом, на шесть степеней. То есть в ситуациях с Дворцовым комплексом всем приведённым рабочим, если они были в курсе неправомерности их пропуска, полагалось 70 ударов тяжёлыми палками, в ситуациях с территориями двор-

цов – 80 ударов тяжёлыми палками, в ситуациях с палатами Шангэ или местами пребывания державных особ – один год каторги.

И только те рабочие, что оказались в силах доказать, что ни сном ни духом не подозревали о творящемся нарушении, оставлялись вовсе без кары.

Несанкционированные задержки

На территориях Дворцового комплекса, как мы уже видели, могли работать не только служащие администрации, проходящие в ворота и выходящие из них в индивидуальном порядке, но и приводимые туда ответственными сопровождающими для проведения строительных, ремонтных или каких-либо иных работ мастера, рабочие или, например, грузчики. Это могли быть просто отбывающие трудовую повинность податные (*динфу* 丁夫), призванные для осуществления неквалифицированных работ. Это могли быть и мастеровые, входившие в штат отвечавших за разнообразные трудовые процессы учреждений. По окончании работ всем им тоже полагалось незамедлительно покидать режимную зону, и чтобы оказаться там нежелательными, им совсем не обязательно было оставаться на ночь. Достаточно было просто не уйти, когда полагалось. В зависимости от того, где, на какой глубине Дворцового комплекса производились работы и где, следовательно, незаконно оказался не ушедший по их завершении работник, наказания разнились.

> Всякий не вышедший из Дворцового комплекса или [с территории какого-либо] дворца по окончании работ [в ситуациях с] Дворцовым комплексом наказывается одним годом каторги, [в ситуациях с территориями] дворцов – двумя годами каторги, [в ситуациях с] местом, где пребывает державная [особа], – удавлением [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 65; Уголовные установления Тан 1999, с. 307].

Наказание, таким образом, было легче, чем за самовольный вход – один год там, где полагалось бы два года и два года там, где полагалось бы 2,5 года. В ситуациях с местом, где пребывают державные особы, обезглавливание заменялось удавлением – послабление, не слишком впечатляющее современного человека, но, вероятно, несколько скрашивавшее добрым подданным тан-

ской империи неприятную перспективу смертной казни (ведь сохранение целостности тела считалось очень важным). Таким же образом следовало наказывать тех, кто не покинул вовремя расположенное на территории палат Шангэ место работ, когда там при отсутствии державных особ пребывали дворцовые девы; если же и их там не было, наказание нерасторопным работникам уменьшалось на две степени, то есть до трёх лет каторги.

Имелось, видимо, в виду, что задержка была осуществлена преднамеренно. Потому что специальная оговорка была сделана на тот случай, если задержавшийся на режимных территориях работник допустил такой промах по иным причинам. Скажем, один трудящийся или небольшая их группа трудились поодаль от остальных, на отдельном участке, и поэтому не заметили, когда основной контингент покинул место работ. Или некий заработавшийся подданный просто заблудился, честно пытаясь выйти наружу. Если непреднамеренность задержки удавалось доказать, тогда вместо вынесения наказания по данной схеме полагалось подавать прошение на Высочайшее имя с изложением обстоятельств и ожидать решения императора, который мог либо помиловать разгильдяя, либо повелеть поступить с ним по закону, либо каким-либо образом уменьшить полагавшееся ему по регулярным меркам наказание.

Уже знакомые нам *цзянлин чжусы* – «ведшие непосредственно ответственные лица» – тоже подлежали наказанию. Если сопровождавший работников чиновник знал, что кто-то из его подопечных не покинул место работ, когда те были завершены, и остался, но при этом не забил тревогу и не сообщил куда следовало о произошедшем казусе, он должен был получить такое же наказание, как сам отставший от группы рабочий. Виновный просто в недостатке внимательности сопровождавший, не обнаруживший, что в его группе кого-то не хватало на выходе, подлежал наказанию, уменьшенному на одну степень: в ситуациях с Дворцовым комплексом – 100 ударами тяжёлыми палками, в ситуациях с территориями дворцов – 1,5 годами каторги, в ситуациях с местом, где пребывают державные особы или палатами Шангэ, где наличествуют дворцовые девы, – ссылкой на 3 тыс. *ли*.

Существовал и предусматривался законом ещё ряд довольно специфических правонарушений, обусловленных, говоря образно, тем, что место, где пребывают державные особы, не обязательно было неподвижным.

Например, когда император или кто-либо из императриц отправлялись в некий вояж и покидали неподвижную, как неподвижны сами дворцы, запретную зону, её мобильная ипостась, в фокусе которой находились владыки, перемещалась вместе с ними. Куда державные особы – туда и особая область пространства с её особым статусом.

Как на территориях дворцов не должно было оставаться по завершении работ посторонних, тем более – вооружённых посторонних, так и мобильный организационно-правовой кокон, окружавший императора и императриц, должен был быть от посторонних тоже очищен. Поскольку этот кокон находился в движении, он мог настигнуть и накрыть любого, не убравшегося вовремя с его пути. Тогда с точки зрения логики уголовного закона человек, пусть даже с места не сходя, по сути, оказывался незаконно оставшимся на режимной территории по завершении работ, то есть когда время находиться в данной области пространства для него истекло. Причём в самом криминальном варианте. Он считался достигшим места, где пребывает державная особа, – хотя на самом деле двигался не он, а место этого пребывания.

Характерно, что мирные подданные, занимавшиеся своими самыми разнообразными повседневными делами в местах, в обычное время отнюдь не режимных, тут с формальной точки зрения оказывались чем-то вроде рабочих, призванных и приведённых в императорскую резиденцию для проведения каких-то работ.

Процесс очистки пространства от занимающихся своими делами простых жителей империи в «Тан люй шу и» называется *пичжан* 闢仗, что можно понять как «удаление [посторонних и] оружия». То, что имеются в виду помимо самого оружия ещё и живые подданные, ясно из данной в разъяснении к статье характеристики процесса: *ю бу чу чжэ дэ цзуй* 有不出者得罪, то есть «те, кто не вышел, подлежат наказанию», причём такому, какое полагалось бы за достижение места, где пребывает державная особа

[Тан люй шу и 1936–1939, ст. 65; Уголовные установления Тан 1999, с. 307]. Для вящей ясности в другом месте статьи первый тезис повторён более развёрнуто: *пичжан чжи нэй жэнь цзе чу цзинь* 闞仗之內人皆出盡, то есть «из [зоны], откуда удаляют [людей и] оружие, люди выходят все до последнего» [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 65; Уголовные установления Тан 1999, с. 309].

Поэтому любой мирный подданный, преднамеренно оставшийся (скажем, спрятавшийся, чтобы поглазеть) по пути следования императорского кортежа внутри зоны, подлежавшей очистке от посторонних, должен был быть подвергнут удавлению.

Однако процесс не зря назывался *пичжан*, то есть в биноме упоминалось именно оружие, а отнюдь не люди; про людей всё было понятно и так. Удалять следовало и то и другое. Поэтому даже тот, кто сам благополучно был удалён, то есть вовремя покинул неотвратимо приближающееся к нему «место, где пребывает державная особа», если он забыл какое-то оружие, всё равно подлежал наказанию. Правда, закон тут был более снисходителен. Во-первых, наказание это равнялось всего лишь 100 ударам тяжёлыми палками. Во-вторых, оружие должно было быть комплектным, пригодным к реальному использованию: если, скажем, был забыт лук, но не стрелы или стрелы без лука, тогда ответственность вообще не наступала.

Должностные лица, ответственные за расчистку коридора следования державных особ («непосредственно ответственные за удаление [людей и] оружия» – *пичжан чжусы* 闞仗主司), приравнивались к должностным лицам, приведшим работников во дворец. Логика поразительная и много говорящая о тогдашней ментальности: те, кто привёл нечиновных штатских в запретную зону и недоглядел за ними, оказывались ровно столь же виновны, как те, кто по недогляду не вывел нечиновных штатских из зоны, которая вот-вот должна была на какое-то время стать запретной.

Значит, должностные лица, ответственные за поиск и удаление людей с маршрута следования державной особы, если они, столкнувшись с тем, что кто-либо не вышел из зоны, не обеспечили его своевременного выдворения, подлежали наказанию, равному с наказанием за невыход с запретной территории по оконча-

нии работ, причём территория эта считалась местом пребывания державной особы. Проще говоря, следовало опять-таки удавление. Если же *пичжан чжусы* не действовал сознательно, а был виновен в простом необнаружении того, что внутри перемещающейся запретной зоны кто-то остался, наказание уменьшалось на одну степень, до ссылки на 3 тыс. *ли*. Относительно виновности ответственных за расчистку пути лиц в том случае, если в зоне расчистки кто-то забыл оружие и потому должен быть наказан 100 ударами тяжёлыми палками, в «Тан люй шу и» ничего не говорится. Можно полагать, что ответственность за недогляд тут не возлагалась.

Аннулирование допуска

К самовольному входу полностью приравнивались ещё несколько действий, которые никоим образом не могли рассматриваться социально опасными сами по себе, но были связаны с принципиальными нарушениями режима. Эти нарушения впоследствии могли либо привести, либо не привести к реальным злодеяниям – и закон, как всегда, подстраховывался.

Регламент предусматривал ряд ситуаций, когда лица, входившие на законных основаниях в привратные списки, могли быть исключены из них раньше, чем произошёл бы ежемесячный пересмотр списков. «Тан люй шу и» перечисляет такие ситуации, вероятно, исчерпывающе.

Человек мог получить новое назначение по службе, и его новые служебные обязанности уже не требовали бы от него являться на режимную территорию. Он мог быть отправлен в командировку в провинцию. Наконец, у служащего мог просто истечь срок его смены, хотя момент пересмотра списков ещё не подоспел. В принципе, он мог даже просто выйти в отставку и отправиться жить в родные места.

Человек мог получить краткосрочный отпуск, в том числе по болезни, причём в это понятие включались, вероятно, отпуска как по собственной болезни, так и по необходимости ухаживать за заболевшим близким родственником.

Могло случиться нечто, что невозможно предусмотреть, но что потребовало бы спешной отлучки (*ши гу* 事故). Думаю, что

здесь *ши гу* следует трактовать максимально обобщённо, и лучше всего в данной ситуации его передаёт слишком, увы, современное, чтобы быть точным переводом, выражение «форс-мажорные обстоятельства».

Во всех этих ситуациях человек мог быть изъят из привратных списков в экстренном порядке, немедленно.

Танский «Тан люй шу и» весьма симптоматично называет всех людей такого рода *чжу ин чу гун дянь* 諸應出宮殿, то есть «все, кому полагается выйти с [территории] Дворцового комплекса и дворцов» [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 68; Уголовные установления Тан 1999, с. 312]. С момента изъятия из списков дворцовый служащий уже не имел права входить на режимные территории или хотя бы задерживаться там. Ничего криминального не совершивший работник администрации, всего лишь если он в силу каких-то причин не успел покинуть запретных мест, задержался там, проявил нерасторопность, фактически считался самовольно вошедшим со всеми вытекающими последствиями.

Тем более это правило было актуальным в тех случаях, когда касалось служащих дворцовой администрации, которые, хотя и не уезжали никуда и из списков ещё не были изъяты, но на них поступил донос с каким-то обвинением и в силу этого по поводу обвинённого лица был издан официальный документ с запрещением пребывания на режимной территории. Даже если имя будущего подследственного ещё наличествовало в привратных списках, ему нельзя было оставаться или заново входить в запретную зону. В обоих этих случаях (не успел вовремя уйти или попытался снова войти) он также полностью приравнивался к незаконно вошедшему.

То есть во всех этих ситуациях человек, не успевший покинуть режимную территорию или вновь вошедший туда, должен был быть наказан как прошедший без документов. Значит, если он вошёл в Дворцовый комплекс, ему полагалось два года каторги, если вошёл на территорию какого-либо из официальных дворцов – 2,5 года каторги. Если он успел дойти до палат Шангэ или не успел выйти оттуда – ему грозило уже удавление, а если речь шла о месте пребывания державных особ – обезглавливание.

Высочайший выезд

Мы уже видели, что при перемещении державной особы вне Дворцового комплекса производилась зачистка пути следования; простые подданные, ухитрившиеся не покинуть зачищаемой территории и не быть выведенными оттуда, оказывались фактически приравненными к рабочим или мастеровым, не покинувшим место проведения работ по их завершении, причём в самом тяжко наказуемом варианте – как если бы они противозаконно остались где-то неподалёку от державной особы.

Однако если по стране перемещался полноценный императорский кортеж, тогда, судя по тексту «Тан люй шу и», сквозной зачистки пути следования не проводилось. Вероятно, режим *пичжан* вводился в каких-то достаточно исключительных случаях или на относительно небольших дистанциях (внутри столицы, например). Иначе трудно объяснить появление в «Тан люй шу и» статьи о недопустимости вмешиваться в строй кортежа. Если бы перемещению предшествовал *пичжан*, вмешиваться в строй оказалось бы просто некому. А если бы кто-то схоронился столь мастерски, что его не заметили бы расчищающие дорогу отряды гвардейцев, и потом вдруг выскочил где-то поблизости от императора, тут уж наверняка должна была бы быть задействована норма права о незаконном проникновении к месту пребывания державной особы со всеми вытекающими последствиями.

«Тан люй шу и», однако, гласит:

> Когда, принося счастье, движется Высочайший выезд (*цзюйцзя синсин* 車駕行幸), всегда составляются отряды [гвардейской охраны и] почётный караул (*дуй чжан* 隊仗). Если есть человек, вмешавшийся [внутрь] отряда [гвардейской охраны], он наказывается одним годом каторги. Вмешавшийся [внутрь] почётного караула наказывается двумя годами каторги. (…) Имеется в виду, что [некто] оказался среди почётного караула или отряда [гвардейской охраны] [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 74; Уголовные установления Тан 1999, с. 325].

Выражением «вмешаться внутрь» я в своё время передал иероглиф *чун* 衝, который, вообще говоря, значит «рваться вперёд, устремляться, бросаться, идти напролом» и даже «прорываться»

[Большой китайско-русский словарь 1983–1984, т. 2, с. 1047–1048]. Именно словом «прорыв» передала термин *чун* Н. П. Свистунова в своём переводе аналогичной статьи уголовного кодекса Минской династии [Законы Великой династии Мин 2012, с. 105, 248]. Контекст намекает на то, что попытки прорваться «в ряды церемониальной свиты», как это называет Н. П. Свистунова, ожидались от, например, доведённых до отчаяния подданных, желавших пожаловаться на некие притеснения непосредственно императору или хотя бы его ближайшему окружению[10].

В танской статье такого намёка нет. Зато наличествует упоминание о том, что такой «прорыв» мог быть совершён по ошибке. Осуществление безрассудного, отчаянного рывка внутрь императорского кортежа трудно представить себе ошибочным, совершённым по оплошности или по рассеянности, нечаянно, непреднамеренно. Поэтому я оставляю здесь более осторожное выражение «вмешаться [внутрь]», которое, как мне кажется, оставляет больший простор для толкования мотивировок и конкретных обстоятельств такого вмешательства.

Итак, если кто-то из не принадлежащих к кортежу подданных, вероятно, из местных жителей, очертя голову, сознательно и преднамеренно бросался на строй охраны, сопровождавший императорский выезд, и ему удавалось попасть внутрь какого-либо из весьма многочисленных отрядов гвардейского сопровождения, такого человека следовало наказать одним годом каторги. Если он ухитрился проникнуть внутрь почётного караула, наказание увеличивалось до двух лет каторги.

Если же некий простофиля оказался внутри охраны или почётного караула кортежа в силу какого-то трудно представимого недоразумения, «по ошибке», наказание ему человеколюбиво уменьшалось на две степени. То есть в первом случае он получал 90 ударов тяжёлыми палками, во втором – подлежал наказанию одним годом каторги.

---

[10] На эту мысль наводит то, что сразу за установлением мер наказания за такой прорыв говорится: «Всем, кто подаёт жалобу на несправедливую обиду, лишь разрешается позади [церемониальной] свиты, упав ниц, выслушать [императорское распоряжение]» [Законы Великой династии Мин 2012, с. 106].

Конечно, столь экстраординарное событие, как вмешательство или тем более «прорыв» постороннего человека в строй выезда державной особы не могло не сопровождаться наказанием повинных в возникшем инциденте должностных лиц охраны. Если оставлять их без острастки, становится непонятно – а зачем тогда вообще охрана?

Дотошные танские законодатели даже в этой ситуации предусмотрели два варианта. Местный житель мог действовать импульсивно, под влиянием момента, мог даже заранее обдумывать свой смертельно рискованный поступок, мог, наконец, оказаться среди императорского сопровождения в силу какой-то нелепой оплошности – но во всех этих ситуациях ответственные лица охраны равным образом, оказывается, могли «сознательно попустительствовать» (*гу цзун* 故縱) ему, а могли и просто его и его действий «не заметить» (*бу цзюэ* 不覺). Не заметившим наказание уменьшалось на две степени относительно попустительствовавших.

Попустительствовавшим же охранникам грозило то же наказание[11], что и самому вмешавшемуся в строй кортежа. То есть если смельчак преднамеренно попал внутрь какого-либо отряда гвардии и должен был получить один год каторги – и командиру соответствующего отряда грозил один год каторги. Если смельчак добрался до рядов почётного караула, и ему грозило два года каторги – то и командир соответствующего подразделения караула в рамках основной шкалы наказаний получал приговор, равный двум годам. Если же вся бесчисленная охрана со всеми её командирами гарцевала и маршировала вокруг державной особы исключительно любуясь сельскими пейзажами и наслаждаясь пением жаворонков, так что странных действий сорвиголовы никто «не заметил», то в первом случае ответственное должностное лицо получало 90 ударов тяжёлыми палками, а во втором – один год каторги.

Если же местный недотёпа оказался среди кортежа случайно, офицер, каким-то образом ухитрившийся сознательно попустительствовать его ошибке, получал, если речь шла о проникновении внутрь гвардейской охраны, 90 ударов тяжёлыми палками,

[11] То есть *юй тун цзуй* – следовательно, со всеми подразумеваемыми этой формулировкой ограничениями, которые мы уже перечислили выше.

а если речь шла о проникновении в строй почётного караула – один год каторги. Если же охрана случайного попадания постороннего в строй кортежа просто «не заметила» и не воспрепятствовала ему – в первом случае ответственному командиру полагалось 70 ударов тяжёлыми палками, а во втором – 90 ударов тяжёлыми палками.

Танские законодатели, учитывая специфику своей страны на тогдашнем этапе её развития, озаботились даже той вероятностью, что в строй кортежа могла вмешаться не озлобленная или, наоборот, до последнего предела рассеянная личность, а неразумная местная скотина. Скотину, что вполне здраво, не наказывали, как бы глубоко она ни ухитрилась проникнуть внутрь строя. А вот охрана обязана была предотвратить её проникновение, и если не справилась – несла ответственность.

Аналогичная ситуация, впрочем, могла возникнуть и не только в имперской глубинке, но и в самой столице, в непосредственной близости от императорской резиденции. И, судя по предписаниям «Тан люй шу и», в таком случае не справившаяся со своими функциями охрана оказывалась виновата несколько больше, чем среди гор и вод. Творцы «Тан люй шу и» понимали, что вероятность появления животного посреди огромного города несколько меньше, чем на бескрайних просторах Поднебесной, а охранять ворота в высоких стенах несколько удобнее, чем держать круговую оборону от зверья посреди дороги. Оттого-то к тем, кто не справился со своей функцией при более благоприятных условиях, закон относился более сурово.

> Внезапно выскочившее животное – имеется в виду, что бегавшее без присмотра [животное] проникло (*жу* 入) в ворота Дворцового комплекса. Охранники (*шоувэй* 守衛), которые не [смогли ему] противодействовать, наказываются 100 ударами тяжёлыми палками. Если оно проникло в ворота Дворцового города, наказание одинаково [с вышеозначенным]. [На случай] если оно проникло в ворота [территории какого-либо] дворца (…) ответственность приравнивается к ответственности, [предусмотренной для ситуации с] воротами Дворцового комплекса. Если оно вмешалось в почётный караул или гвардейский [отряд], [виновные] наказываются 80 ударами тяжёлыми палками [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 74; Уголовные установления Тан 1999, с. 325].

Запретная стрельба

Безопасность августейших персон была одной из главных забот творцов уголовного закона в традиционном Китае, и потому ими конструировались нормы права, призванные блокировать даже самую малую возможность случайного нанесения им вреда. Поскольку несчастный случай есть именно случай, драматическое стечение обстоятельств, когда делаешь одно, а получается порой совсем другое, законы, которым назначено предотвращать несчастные случаи в зародыше, принимали подчас довольно гротескный характер. Кроме того, недопустимость некоторых действий объясняется не только их реальной опасностью, но и тем, что они являются вопиющим проявлением неуважения. С этим тоже надо было бороться.

К чести танских законодателей, те никогда не доходили до той стадии, когда, памятуя, что топором можно зарубить человека, они пытались бы запретить топоры. Но кое-какие попытки в этом направлении всё же предпринимались.

Например, в сторону императорских дворцов и даже всего Дворцового комплекса нельзя было ни стрелять из лука или самострела, ни кидаться камнями или кусками черепицы.

Правда, проявление столь запредельной заботы тут же было со всей тогдашней тягой к дотошной справедливости отградуировано по степени реальной опасности, которую могли представлять собой указанные действия. И поэтому можно себе представить, что определение наказания даже за столь, казалось бы, простое и лёгкое для первичного обнаружения действие требовало в реальности тщательных экспертиз. Потому что фактически перед следствием ставилась задача выяснить точно, залетели ли стрела, шарик от самострела, камешек либо черепок на территорию комплекса, достигли они лишь соответствующей стены (на излёте упав у самого её основания или, возможно, ударившись об неё и рухнув вниз), а если в данном случае и не долетели, то могли ли хотя бы теоретически, из расчёта расстояния и силы среднестатистического выстрела или броска, долететь или даже теоретически не могли. Соответственно этим четырём градациям данные действия подразделялись на четыре уровня злостности, и для каждого

закон предусматривал отдельную схему определения конкретной меры наказания.

Параллельная, уже привычная нам градация вводилась обычным образом: в сторону какого именно объекта производился выстрел или бросок, каков был уровень запретности той области пространства, куда долетели или могли долететь стрела, шарик самострела, камень или кусок черепицы.

Наконец, существенным фактором для определения меры наказания, как и при самовольных входах и прочих нарушениях режима, было то, находилась ли в данное время в данном дворцовом комплексе какая-либо из августейших особ или дворец пустовал, и, кроме того, были ли в том месте, куда упала стрела или камень, дворцовые девы или даже их там не было.

Исходной, стандартной ситуацией считалась та, когда Дворцовый комплекс был осчастливлен пребыванием где-то внутри него державной особы, а стреле или камню, судя по среднестатистической силе выстрела или броска, полагалось бы долететь туда, в сторону чего был осуществлён выстрел или бросок.

От этой первичной ситуации уже следовало отсчитывать утяжеления или облегчения соответственно ситуационным поправкам.

> Всякий, кто стрелял из лука по внутренней [территории] Дворцового комплекса или дворцов, – имеется в виду, что по силе стреле полагалось бы долететь – [в ситуациях со] стеной Дворцового комплекса наказывается двумя годами каторги, [в ситуациях со] стенами [территорий] дворцов наказание увеличивается на одну степень. Если стрела залетела внутрь, соответственно каждому данному случаю наказание увеличивается на одну степень. Если же стрела залетела внутрь палат Шангэ, [виновный] наказывается удавлением. Если [достигла] места, где пребывает державная [особа, виновный] наказывается обезглавливанием [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 73; Уголовные установления Тан 1999, с. 321–322].

Таким образом, в стандартной ситуации наказания за стрельбу из лука во многом совпадали с наказаниями за самовольный вход. Если стрела достигла стены Дворцового комплекса – два года каторги, если достигла стены территории какого-либо

из официальных дворцов – на одну степень больше, то есть 2,5 года каторги. То же полагалось и за самовольный вход на соответствующие территории. Если стрела влетела внутрь Дворцового комплекса – наказание становилось равным 2,5 годам каторги, а если на территорию дворца – трём годам каторги. Палаты Шангэ не имели ограждающих их стен. Если стрела попадала на территорию самих палат, наказание увеличивалось до удавления, а если она ухитрялась упасть где-то там, где в данный момент пребывали император или кто-либо из императриц, – виновный подлежал обезглавливанию. Тоже точь-в-точь как за самовольный вход.

Если в данном дворцовом комплексе в данное время не обитал никто из августейших персон, то, как и в ситуациях с самовольным входом, все эти наказания, назначаемые в зависимости от глубины проникновения стрелы, следовало уменьшать на одну степень. Если в данном дворце не было и дворцовых дев, наказания уменьшались ещё на одну степень. То есть если стрела долетела до стены комплекса – стрелку полагался один год каторги и так далее.

Если теоретически, исходя, во-первых, из дальности обычного, среднего выстрела и, во-вторых, расстояния, с которого данный преступный выстрел в запретном направлении был произведён, стрела должна была бы достигнуть цели, но не достигла ни внутренней территории, ни стены дворцового комплекса или дворцов (стрелок был никудышный или порыв ветра дунул навстречу), строгость наказания существенно уменьшалась. Шального стрелка следовало наказать всего лишь как за тяжёлое неположенное действие, то есть 80 ударами тяжёлыми палками [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 450; Уголовные установления Тан 2008, с. 113][12]. Если в данном дворце не было никого из державных особ, наказание уменьшалось на одну степень – до 70 ударов тяжёлыми палками. Если там не было и дворцовых дев – до 60 ударов.

Если же стрела даже теоретически, при самых благоприятных обстоятельствах не могла бы долететь туда, куда был осуществлён выстрел, наказание вообще не применялось.

[12] О неположенных действиях см.: [Рыбаков 2018, с. 446–452].

Стрельба из боевых самострелов в «Тан люй шу и» не фигурирует. Видимо, она приравнивалась к стрельбе из лука. А вот стрельба из так называемых шариковых самострелов, то есть тех, что стреляли не убийственными стрелами, а лёгкими пульками (тогдашняя травматика, надо полагать), считалась менее опасной, чем стрельба стрелами, и приравнивалась к простому киданию рукой камня или осколка черепицы. В случаях применения не лука со стрелами, а либо травматического оружия, либо ручного кидания, весь спектр наказаний, предназначенных для стрельбы из лука, смещался на одну степень в сторону облегчения.

> Стреляние шариками [из шарикового самострела] либо кидание черепицы или камней по сравнению со [стрельбой] стрелами является более лёгким преступлением. Стреляние по стене Дворцового комплекса наказывается 1,5 годами каторги, по стенам [территорий] дворцов – двумя годами каторги. Если [шарик, черепица или камень] залетели внутрь Дворцового комплекса – двумя годами каторги, внутрь [территории какого-либо] дворца – 2,5 годами каторги, внутрь палат Шангэ или к месту, где пребывала державная [особа], – ссылкой на 3 тыс. *ли*. Это и есть: соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на одну степень. Также имеется в виду, что по силе человеку полагалось бы дострелить или докинуть. Только если шарик либо кинутые черепица или камень долетели [хотя бы] на край Дворцового комплекса или [территории какого-либо] дворца, тогда [виновный] получает наказание. Если же по силе полагалось бы дострелить или докинуть, но [выстрел или бросок] не достиг [Дворцового комплекса или территории дворца], также следуют тяжёлому неположенному действию с уменьшением от высоты [полагающегося за него наказания] на одну степень [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 73; Уголовные установления Тан 1999, с. 323].

Последняя фраза означает, что наказание за неудачный выстрел или бросок уменьшалось на одну степень от 80 ударов тяжёлыми палками, то есть становилось равным 70 ударам. Если даже теоретически докинуть камень было невозможно, наказания опять-таки не полагалось вовсе.

Математика – наука точная и требует постоянного упражнения в счёте. Танские законодатели явно любили математику. Если шариками стреляли или камешками кидали в сторону Дворцового комплекса, в данный момент не осчастливленного присутствием императора или одной из императриц, весь спектр наказаний, уменьшенных на одну степень из-за того, что стрельба являлась неполноценной (шариками, а не стрелами) или вообще была не стрельбой, а киданием, следовало уменьшать ещё на одну степень. И наконец, если во дворцах не было и дворцовых дев, весь полученный спектр следовало уменьшать ещё на одну степень. Скажем, 70 ударов тяжёлыми палками, полагавшиеся за не достигший цели бросок, превращались в 60 или 50 ударов.

Ситуация резко менялась, если стрела, шарик или камень не просто залетели внутрь той или иной запретной территории, но привели к травмированию или смерти человека. Такое тоже нельзя было исключить. Фактор преднамеренности стреляния или кидания (эти действия, очевидно, нельзя было совершать нечаянно или ошибочно) трансформировался в таких случаях в фактор желания причинить вред, причём – желания сознательного.

> …Если совершилось убийство человека или нанесение [ему] телесных повреждений, наказание определяется как за преднамеренное убийство или нанесение [соответствующих] телесных повреждений (*гу ша шан* 故殺傷). То есть убивший человека наказывается обезглавливанием, а нанёсший телесные повреждения получает наказание, увеличенное на одну степень относительно [полагающегося за] убийство или нанесение [соответствующих] телесных повреждений в драке (*доу ша шан* 鬥殺傷) [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 73; Уголовные установления Тан 1999, с. 324][13].

Данное предписание, хотя это и не оговорено в законе, относилось, надо полагать, в равной степени к ситуациям, когда император или императрицы живут в данном дворце и когда они где-то в иных местах. Ведь травма оставалась травмой в обоих случаях.

[13] О нанесении телесных повреждений в различных ситуациях см. [Рыбаков 2013, с. 277–307].

Уменьшать наказание за причинение смерти или увечья посредством общественно опасного деяния только потому, что император находился далеко от трагедии, творцы «Тан люй шу и» вполне здраво не стали.

С другой стороны, понятно, что под людьми тут понимаются лишь рядовые люди, персонал дворца, девы, охранники, обслуга. О самих августейших особах тут речи нет. Если бы смертоносный кусок черепицы ушиб, например, голову матери императора, наверняка была бы задействована статья из Десяти зол (*ши э* 十惡), посвящённая покушениям на жизнь августейших особ, – со всеми вытекающими последствиями: смертной казнью для виновника, применением общесемейной ответственности к его родственникам[14].

Защита от аналогичных посягательств была предусмотрена и для сакральных объектов. Вообще говоря, любое нарушение режима императорского храма предков, равно как императорских парков, следовало наказывать на одну или две степени легче, чем такое же нарушение режима Дворцового комплекса[15]. Однако для стрельбы и бросания была предусмотрена специальная норма, характерной особенностью которой можно назвать то, что она не предписывала никаких наказаний за эти действия как таковые. Ведь державных особ и их обслуги на этих объектах, как правило, не было.

Правда, начинается текст о данных преступлениях очень многообещающе.

> Императорский храм предков, алтарь Земли и Запретный парк – не те места, где люди стреляют из луков либо выстреливают шарики [из шариковых самострелов] и кидаются черепицей или камнями [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 79; Уголовные установления Тан 1999, с. 331].

---

[14] Подробнее см. [Рыбаков 2013, с. 104, 105].

[15] «(…) Имеется в виду, что при самовольном входе достиг порога, но не пересёк его или вошёл по делу, но самоуправно остался на ночь, и [ситуации] такого рода. Соответственно каждому данному случаю следуя лёгкости или тяжести [преступления, в ситуациях с] императорским храмом предков наказания уменьшаются на одну степень относительно [полагающихся в ситуациях с] Дворцовым комплексом, [в ситуациях с] алтарём Земли наказания уменьшаются на одну степень относительно [полагающихся в ситуациях с] императорским храмом предков, а [в ситуациях с] Запретным парком наказания приравниваются к [полагающимся в ситуациях с] алтарём Земли» [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 79; Уголовные установления Тан 1999, с. 330, 331].

Однако из дальнейшего изложения становится ясно, что все эти действия становились интересны закону только с того момента, как стрела, пулька, камень или кусок черепицы попали в какого-то человека и нанесли ему ту или иную травму.

Если придерживаться нормы уменьшения на одну или две степени, в случаях гибели или ранения человека получилось бы, что предписанные для ситуаций с Дворцовым комплексом наказания после уменьшения оказались бы непозволительно легки. Скажем, в ситуациях, например, с Запретным парком убийца мог бы получить всего лишь три года каторги (уменьшение на две степени наказания смертной казнью давало именно эту величину). Травмировавший кого-либо камнем на территории алтаря Земли хулиган получил бы по этой норме наказание на одну степень меньшее, чем за нанесение аналогичной травмы в драке. Это было нелогично и несправедливо.

Поэтому для всех вариантов непозволительных действий (стрельба из лука, выстреливание шариков из самострела, швыряние камнями или черепицей) на всех типах территорий менее запретных, чем Дворцовый комплекс, но всё же запретных (императорский храм предков, алтарь Земли, Запретные парки) устанавливалась единая норма.

> Если [кто-либо] самоуправно стрелял (…) из лука либо выстреливал (…) шарики [из шарикового самострела], кидал черепицу или камни и [при этом] совершил убийство человека или нанёс [ему] телесное повреждение, соответственно каждому данному случаю наказывается по закону об убийстве или нанесении [соответствующего] телесного повреждения в драке. Если нанёс телесное повреждение стрелой – наказывается двумя годами каторги. Если ослепил один глаз – тремя годами [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 79; Уголовные установления Тан 1999, с. 331][16].

[16] «Если же колющим или режущим [орудием в драке] нанёс телесное повреждение (…) наказание – два года каторги» [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 304; Уголовные установления Тан, 2005, с. 153]. «Всякий, кто при нанесении человеку побоев в драке сломал или вывернул ему конечность тела либо ослепил один его глаз, наказывается тремя годами каторги» [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 305; Уголовные установления Тан 2005, с. 155].

Делалось, правда, одно послабление и тоже вне зависимости от места преступления и конкретного типа снаряда, вызвавшего фатальные последствия. Если человек, в которого попала стрела, пулька, камень или черепица, погиб, по идее, виновному, как за убийство в драке, полагалось бы удавление. Однако закон снисходил к отсутствию у преступника настолько злокозненных побуждений (в драке он ведь не участвовал, никого сознательно не бил) и в любом случае заменял смертную казнь ссылкой с дополнительными работами.

Зато считалось совершенно недопустимым стрелять стрелами в сторону движения императорского кортежа или той зоны, откуда были удалены люди и оружие. Правда, о шариках из самострела или камней либо черепицы упоминаний нет. Видимо, считалось, что только боевая стрела способна достичь кортежа, когда вокруг множество охраны и зона безопасности максимально расширена. Но вот если стрела влетела в зону, откуда удалены люди и оружие, либо после выстрела в сторону движения Высочайшего выезда и впрямь долетела до того или иного гвардейского отряда или до почётного караула, стрелок подлежал удавлению [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 79; Уголовные установления Тан 1999, с. 331].

Забота о безопасности властителей подвигла танских законодателей предусмотреть и ещё одну коллизию – не отягощённую злым умыслом, но чреватую непредсказуемыми последствиями и явно подрывающую порядок, дисциплину и надлежащее благоговение.

Дело в том, что по долгу службы гвардейцы охраны, а зачастую, например, и высокопоставленные посетители дворцов имели при себе оружие. Охранникам просто полагалось его иметь по долгу службы. Однако самовольно, без приказа владыки извлекать его в присутствии державных особ было нельзя. Если столь опасный, столь многозначительный акт был совершён сознательно, виновника, по всей видимости, тоже ждал бы суд по антигосударственной статье. Но даже ошибочное, нечаянное, случайное извлечение оружия было недопустимо, а потому – строго наказуемо. Более того, наказанию в этой ситуации подлежали и те, кто был рядом, но не совершил немедленных действий по пресечению подобной оплошности.

> Гвардейцы обычно имеют при себе оружие, и им можно носить режущие предметы. Но находясь там, где пребывает державная [особа], без Высочайшего распоряжения, поручающего воспользоваться [режущим предметом], нельзя самоуправно извлекать режущий предмет. Тот, кто по ошибке извлёк [его] (*у ба* 誤拔), наказывается удавлением. Стоявшие слева и справа люди, видевшие, что [гвардеец] по ошибке извлёк [режущий предмет], все обязаны [этого гвардейца] схватить. Немедленно не схватившие его наказываются ссылкой на 3 тыс. *ли* [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 73; Уголовные установления Тан 1999, с. 324].

Эта норма сопровождается двумя оговорками.

Во-первых, её не следовало применять, если было дано специальное Высочайшее распоряжение извлечь оружие и так или иначе использовать его, либо если император поощрял своих гвардейцев угощением (в последнем случае, приходится полагать, ножи могли им как-то понадобиться при распределении угощения или за столом и это не следовало считать незаконным извлечением режущего предмета).

Во-вторых, данное предписание относилось не только к гвардейцам.

> Гвардеец взят только для примера. Ясно, что и любому другому человеку также нельзя по ошибке обнажать режущие предметы там, где пребывает державная [особа] [там же].

Запретное наблюдение

На запретные территории не следовало даже смотреть.

Любопытство человеческое безгранично так же, как и тщеславие, и, конечно, перспектива бросить пытливый взгляд, да к тому же сверху, этак свысока, на те места, где живёт, поддерживает равновесие природы, общается с горним миром и принимает решения сам Сын Неба, представляла, вероятно, большой соблазн. Ландшафт Чанъани и её окрестностей, судя по всему, давал к тому немало возможностей[17]. Но с точки зрения духовных ценностей,

[17] Например, в «Новой истории Тан» читаем: «Столица (…) сзади прилегает к горам Луншоушань» (*цзинчэн (…) хоу чжэнь Луншоушань* 京城…後枕龍首山) [Синь Тан шу, 1975, с. 931].

на которых строилась тогдашняя картина мира, поступки подобного рода являлись вопиющим нарушением и людской, и, что ещё более важно, вселенской субординации. Кроме того, это было недопустимо и по вполне прагматичным соображениям. Выяснение внутренней структуры Дворцового комплекса, мест расположения караулов и караульных помещений, да и вообще – всей подноготной таинственной и высокочтимой запретной зоны представляло собой прямую и вполне реальную, отнюдь не только идеологическую угрозу для обитателей дворцов, да и для их охраны. И вообще не годилось непосвящённым самим, по своему почину делать себя посвящёнными в интимную жизнь святая святых государственности: кто куда пошёл, кто где сколько пробыл…

Однако стремление танских законодателей быть филигранно справедливыми легко было реализовать на бумаге, но перед следователями такое стремление в данном случае ставило – в который уже раз – чрезвычайно трудные задачи. Не думаю, что просто было выяснить, куда именно, поднявшись на какое-то возвышенное место, смотрел злоумышленник – на территорию Дворцового комплекса как таковую или на территорию какого-либо из дворцов. Да вдобавок сделал ли он это преднамеренно или по ошибке.

Закон тем не менее гласит:

> Всякий, кто, поднявшись на высокое место, смотрел сверху внутрь Дворцового комплекса (*линь гун чжун* 臨宮中), наказывается одним годом каторги. [Если смотрел] внутрь [территорий] дворцов (*дянь чжун* 殿中), наказание увеличивается на две степени. (…) [Такие] места, как [территория] Дворцового комплекса и [территории] дворцов, нельзя рассматривать сверху (*линьши* 臨視), поднявшись на высокое место. Если [кто-либо] наблюдал за [территорией] Дворцового комплекса (*ши гун чжун* 視宮中), наказывается одним годом каторги. [Если кто-либо] наблюдал за [территорией какого-либо] дворца (*ши дянь чжун* 視殿中), наказывается двумя годами каторги [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 66; Уголовные установления Тан 1999, с. 310].

Въедливые танские законотворцы и тут не удержались от того, чтобы рассматривание запретной зоны с возвышенного места под-

разделить на преднамеренное и ошибочное. Как они реально представляли поведение подданного, поднявшегося на гору нарочно (а как иначе можно подняться на гору?), но посмотревшего вниз по ошибке, не сказано ни слова[18]. Но меры пресечения обозначены были точно.

> Тому, кто, поднявшись на высокое место, по ошибке посмотрел сверху внутрь [территории] Дворцового комплекса или [территорий] дворцов, наказание уменьшается на две степени [Тан люй шу и 1936–1939, ст. 66; Уголовные установления Тан 1999, с. 311].

Значит, случайно кинувшего взгляд на территорию Дворцового комплекса наказывали 90 ударами тяжёлыми палками, а если взгляд упал на территорию какого-либо из дворцов – одним годом каторги.

Источники и литература

1. Большой китайско-русский словарь 1983–1984 – Большой китайско-русский словарь / Ред. проф. И. М. Ошанин. Т. 1–4. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.

2. Законы Великой династии Мин 2012 – Законы Великой династии Мин / Пер. с кит., введ., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой. Ч. III. М.: Восточная литература, 2012.

3. Лю 1996 – *Лю Цзюнь-вэнь* 劉俊文. Тан люй шу и цзяньцзе 唐律疏議箋解 («Уголовные установления Тан с разъяснениями», откомментированные и растолкованные). Т. 1–2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1996.

4. Рыбаков 2009 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

5. Рыбаков 2013 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.

[18] Впрочем, возможно, они полагали, что и сам подъём на гору мог быть результатом какой-то ошибки. В тексте говорится: *дэн гао линь гун дянь чжун ю у* 登高臨宮殿中有誤, то есть «по ошибке поднялся на возвышенное [место] и наблюдал то, что внутри Дворцового комплекса или [территории] дворцов». Судя по всему, танские законодатели на всякий случай предусматривали почти для всех видов правонарушений вариант ошибочности действий, чтобы пусть даже в редкой, трудно вообразимой ситуации правосудие не оказалось в затруднительном положении. Легче было предусмотреть маловероятное, чем оставить брешь в законах.

6. Рыбаков 2018а – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 3. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018.

7. Рыбаков 2018б – *Рыбаков В. М.* Режимный объект Чанъань / Общество и государство в Китае. Т. XLVIII.Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2018. С. 55–125.

8. Синь Тан шу 1975 – Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1-20. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

9. Тан лю дянь – Тан лю дянь 唐六典 (Шесть уложений Тан). Цз. 4, разд. Либу ланчжун 禮部郎中 («Заведующий отделом чинов») // Веб-сайт профессора Фуданьского университета Хань Шэна 韩升 «Основные сведения о государственных историях» (Го-ши гай-яо 国史概要). URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/ tangliudian_content.htm (датаобращения: 24.04.2021).

10. Тан люй шу и 1936-1939 – Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн 叢書集成 (Полное собрание книжных серий). Т. 775-780. Шанхай: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936–1939.

11. Тан хуй яо 1936-1939 – Тан хуй яо 唐會要 (Свод важнейших [сведений периода] Тан) // Цуншу цзичэн 叢書集成 (Полное собрание книжных серий). Т. 813-828. Шанхай: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936-1939.

12. Уголовные установления Тан 1999 – Уголовные установления Тан с разъяснениями / Пер., введ. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1-8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

13. Уголовные установления Тан 2005 – Уголовные установления Тан с разъяснениями / Пер. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17-25. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.

14. Уголовные установления Тан 2008 – Уголовные установления Тан с разъяснениями / Пер. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26-30. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

15. Чжунвэнь да цыдянь 1976 – Чжунвэнь да цыдянь 中文大詞典 (Большой словарь китайского языка). Т. 1-10. Тайбэй: Чжунхуасюэшуюань 中華學術院, 1976.

16. Rotours 1947–1948 – *Rotours R., des.* Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armee. Vol. 1–2. Leyde: E. J. Brill, 1947–1948.

17. The T'ang Code 1979–1997 – The T'ang Code, Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princeton: Princeton University Press, 1979. Vol. II: Specific Articles. Princeton: Princeton University Press, 1997.